

МАРК АЛЕКСАНДРОВИЧ РОМАНОВ

**АСТАРТА 2.
СУД
ПРОКЛЯТЫХ**

Марк Александрович Романов

Астарта 2. Суд Проклятых

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9748828

ISBN 978-5-4474-0927-2

Аннотация

Экипаж рейдера «Астарта» снова идёт навстречу приключениям. Смогут ли они разомкнуть время, стягивающееся в петлю, и исправить прошлое, чтобы будущее смогло жить?

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Ни любви, ни жизни	9
1.1. Ни любви, ни жизни	9
1.2. Химера	20
1.3. Ханна Шойц. Шестой отряд. Фобос	29
Глава 2. Лондресс. Судья	41
2.1. «Кисс Тс-с-с»	41
2.2. Аббатство Петра и Павла	56
Глава 3. От удачи до пропасти	70
Глава 4. Лондресс. Судья и монах	88
4.1. В поисках Джека Душегуба.	88
4.2. В таверне у Джонни	92
4.3 Запись из личного дневника Матиуса Лонгина	96
Глава 5. Delirium Кацмана	100
Глава 6. Марсианские Хроники	106
6.1. Марсианские Хроники. Макс Тель	106
6.2. Двадцать Шестой. Побег	121
Интерлюдия 1	133
Глава 7. Кровавая баня в марсианском Парламенте. Орбита Свободы	136
7.1. Что сказал Посланник	136
7.2. Резня в марсианском Парламенте	141

7.3. Марс. Либерти Линденхост	147
Глава 8.	153
Глава 9. «Ромашка»	160
Конец ознакомительного фрагмента.	174

Астарта 2. Суд Проклятых

Марк Александрович

Романов

*Народ меня любил. Они боялись
Запачкаться в крови; сокрыть хотели
Под светлой краской черные дела.
Уильям Шекспир – Буря*

© Марк Александрович Романов, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе
Ridero.ru

Пролог

Сердце, сердце, ты не бесконечно...

Что ты делаешь со мной, почему не остановишься, не перестанешь биться в груди, умолкая, унося с собой эту боль и обречённость? От чего продолжаешь отмерять мои бесконечные дни, минуты и секунды жизни, разливаясь болью и сожалением с каждым ударом?

Сердце, сердце... Ты же осталось таким же. Таким же, как и в тот день, когда я возомнил себя богом, решил, что знаю, как лучше будет для миллиардов, триллионов, десятков и сотен тысяч нерождённых.

Ты билось так же ровно, спокойно, надрывно и яростно, когда я решил стать почти богом. Когда я шагнул за невидимую черту, навсегда отсекая себя от остального человечества, обращая его лишь в необходимые мне, новому богу, инструменты.

Но я не бог. И никогда не был им. Я остался живым человеком, который рухнул с Олимпа всей массой нерастраченных ожиданий и несбывшихся мечтаний. Я падал, недоумевая, почему, от чего, как это могло случиться со мной? Таким всезнающим, таким умным и таким хитрым, таким предусмотрительным и самоуверенным, возомнившим однажды, что могу решать не только за себя, но и за всё человечество на протяжении семи веков.

На самом же деле я не мог решать даже за себя. Тем более – за себя. Мне протянули руку, но я отверг её, хлестнув по ней ребром ладони. Мне подставили плечо, но я гордо вздёрнул голову, отвергая помощь. Мне бросили спасательный круг, но я предпочёл уйти под воды с головой, захлебнуться в ней, умереть и возродиться снова.

Без памяти, без надежд и без себя самого. Я стал чист, словно идеальные кристаллики кварцевого песка, что нестерпимо резали мне глаза своим золотистым светом.

Сердце, сердце... Ты не бесконечно. Ты не можешь вместить в себя всю ненависть и всю любовь, всё моё сожаление и раскаяние, все мои страхи и порывы. Ты молчишь на мои вопросы, устав кричать внутри, захлёбываясь горячей кровью, истекая ею, как талым снегом в горячей ладони. Ты оставило попытки достучаться до меня, предупредить и остановить, ты окончательно разорвалось на кусочки, каждый из которых теперь несёт в себе всё то, что ты не смогло удержать целиком.

И теперь, стоя здесь, в этих беспощадных песках, ощущая твоё тихое биение, я вспоминаю о тех временах, когда ты говорило со мной, но я тебя не слушал.

Бедное ты моё сердце, что взяло на себя роль проданной, утопленной в крови и грязи души. Ты взяло ответственность на себя, желая спрятать, сохранить хотя бы кусочек бессмертной души человека, который не достоин был прожить и одну жизнь, а его наградили бессмертием. И памя-

тью...

Обрекая на ежедневные воспоминания, услужливо предоставляя картины прошлого, мне подарили самое великое из желаний всего человечества – жизнь.

Но так и не рассказали, как жить, когда больше не видишь смысла, не знаешь, за что умирать, не представляешь, куда идти.

И теперь мне не протянут руки, не подставят плеча, не бросят верёвку и не пойдут за мной, ибо я стал никем. Последним, кто может решать, но лишь тогда, когда моё решение уже ничего не изменит.

Я прихожу рядом со смертью и жизнью. Стоя между ними, как натянутая струна, что звенит на ветру.

И теперь я знаю, что отличало меня от капитана Моргана. За ним шли из любви и дружбы, а за мной – лишь по приказу.

И я приказываю себе жить, и помнить, и идти. Без веры, что смогу исправить, но с надеждой, что смогу попытаться.

Если мне поверят. Если услышат. Если рискнут.

И если за мной вернётся однажды хотя бы один человек, просто так, просто из личных побуждений, от чувства долга или желания найти меня, если это случится, я буду знать, что начало пути положено.

И буду знать, что это только начало...

Глава 1. Ни любви, ни жизни

*Ты чувствуешь озон – это коронный разряд
Держи его крепче.*

*Как мотыльки на свече, на нем секунды
сгорят —*

Те, что остались до встречи...

Олег Медведев – Марш континентальных электриков

1.1. Ни любви, ни жизни

XXIII век

«Я вас ненавижу, ненавижу, ненавижу!»

Эта мысль крутилась по кругу в голове, не желая уступать место каким-либо другим мыслям или образам. Внутренний крик достигал своего крещендо, обрывался и снова начинал терзать душу изнутри, острыми щипцами срывая робкий покой, начинавший теплиться после спада напряжения.

Он не знал, сколько ещё выдержит. Чёртова канитель последних событий, отрешённость от происходящего, вывернутые наизнанку мысли и желания. Его будто выпотрошили, высыпав на песок все внутренности, оказавшиеся на проверку только осколками разноцветного витража.

«Зачем вы это сделали со мной? Что вам от меня нужно?»

Что, что, чего вы хотите?!»

Временная смена вектора не принесла желаемого облегчения, и разум снова возопил о ненависти. Настолько жгучей и невыносимой в своём бессилии что-либо изменить, что он стиснул зубы. Последний раз такое случилось очень давно.

Кажется, в первый раз, когда его серьёзно ранили, и он увидел свою кровь, текущую между пальцами из рваной раны на животе. Единственное, что тогда спасло его от паники, было острым страхом увидеть выпавшие прямо в руки собственные потроха. Автохирург починил тело, но он лично заявил о желании оставить на животе тонкий изогнутый шрам. Как напоминание о пережитом, о собственном малодушии, о страхе и о своей уязвимости.

Он был смертным, и никогда не следовало забывать об этом. Даже тогда, когда ему выпало стать ненадолго богом, он, как показала дальнейшая практика, оставался смертным.

Сейчас спасения не было. Звёздная пыль, или проклятый, ненавистный песок, кружили повсюду облаком, не давая возможности что-либо рассмотреть дальше вытянутой руки.

«Кто ты, кто ты такой теперь? – новая мысль немного остудила разум, но продолжала нагревать истрёпанные нервы. – Кто ты такой? Как твоё имя?»

Ничего. Никакого ответа, никаких звуков. Только мерцающая пыль вокруг и звенящая тишина, от которой мысленные вопросы, казалось, звучали надрывно и оглушительно

громогласно.

«Что у тебя есть, кому ты нужен, кто ты такой? Ты, дрейфующий в тканях живого существа по имени Вселенная? Кто ты, мелкая песчинка, решившая сломать привычный уклад жизни своего бога, всех богов, самой ткани пространства? Как твоё имя?»

Он понял, что уже не желает думать о ненависти. Теперь ему стало интересно размышлять о себе.

«Имя... я обязан вспомнить своё имя, – думал он, вглядываясь в осколки, разноцветным облаком роившиеся рядом с ним. – Здесь должен быть ответ».

Он протянул руку, или только подумал об этом, и взял в руку грязно-бурый кусок стекла. Это была кровь. Запёкшаяся, потемневшая, сожжённая до оплавленного куска. Кровь.... Своя ли, чужая ли – этого он не знал. Единственное, что он видел, таких осколков с оплавленными краями было гораздо больше остальных кусочков мозаики души.

Теперь настала очередь коричневого цвета. Покой, старость, мудрость, единение с собой. Мало, очень мало, считанные крупинцы, и они всегда плавно перетекали, смешиваясь до размытых границ, в бурые пятна прошлых поступков.

Никаких имён, никаких званий, никаких мыслей. Где-то в глубине сознания попыталась снова воспрянуть задавленная интересом мысль о ненависти и панический крик о собственной несостоятельности. Но их быстро уняла внезапно пробудившаяся сила воли.

Сила и желание жить. Не просто плыть в неизвестности, не просто исполнять свой долг, влачить существование под гнётом приговора, но жить. Принимать решения, бросаться в события, словно в море с обрыва, задерживая дыхание, как при спуске курка стрелкового оружия.

Жить...

Внутри него зашевелилось нечто, похожее на память. Кажется, мысли об оружии, долге и наказании пробудили внутри него что-то необходимое для осознания себя.

Он коснулся зелёного осколка. Память о детстве, о беззаботной юности, надеждах и уверенности в своих силах. Железная воля к победе, вера и почти святое преклонение перед жизнью. Надо же, оказывается, когда-то он ценил жизнь во всех её проявлениях. Когда-то настолько давно, что множество бурого почти навеки схоронили под собой эти воспоминания.

«Люди... жизнь людей, моя жизнь, святость появления на свет, принадлежность к целому одной своей частью, радость и смех, новая жизнь и новые надежды не отнимать, но сохранять её».

Пальцы мысленно сжались в кулак, и он почти физически почувствовал, как острые грани зелёного осколка вспарывают кожу, но боль так и не пришла.

Фиолетовые кусочки интуиции, строгой формой разбитых на части стёкол вереницей мелких осколочков проплыли мимо. Он не удостоил их вниманием. Как и редкое кроше-

во небесно-голубого оттенка, маревом кружащее чуть дальше других стёкол. Голубые мечты... разбитые, перетёртые в дисперсную пыль, без единого шанса снова стать хотя бы склеенным целым. Теперь из надежд и мечтаний прошлого он мог лишь спрессовать для себя небольшую форму для наращивания на ней чего-то иного.

К примеру, синего цвета внутреннего холода и тишины. Вот уж чего здесь было едва ли не столько же, сколько и бурого, так это тяжёлой, давящей, суровой синевы замкнутости и устремлений внутрь себя.

Где-то на периферии блеснул и тут же угас один единственный кусочек прозрачного стекла. Кристальная честь, уважение к павшим врагам, последние слова над телами погибших товарищей, свобода снов и прозрачные слёзы – кристалл горного хрусталя среди множества стеклянных крошек.

И лишь поймав его, этот крошечный осколок души прозрачного цвета, взглянув через него на остальное, он, плывший в густой черноте своего «Я», понял как на самом деле бесполезно его естество.

Оранжевые и жёлтые крупинки чистого интереса и желаний быть любимым медленно перекатывались среди прочих обломков, почти незаметные и неосязаемые.

Ни страсти, ни любви... ни порывов услышать биение родного сердца другого человека, ни внезапно нахлынувшей волны нежности к кому-либо, ни безумных порывов бросить

всё и оказаться рядом с тем, кто любит. С тем, кто любим.

«Ненавижу, – подумал он и заплакал без слёз. – Чего вы от меня хотите? – выкрикнул он в пустоту и с ненавистью уставился на медленно вращающиеся вокруг своей оси цветные стекляшки. – Что я могу сделать для вас? – спокойно добавил он, слушая, как где-то далеко со скрипом закрывается тяжёлая дверь души на ржавых петлях. – Зачем снова вернулся полковник Марк Александрович Романов?»

Он вспомнил своё имя. И мерцающая звёздная пыль вместе с медленно крутящимися в ней частичками памяти и души ухнула вниз, увлекая его в открывшуюся воронку.

Он успел подумать о том, что это похоже на разверзшуюся пасть огромной бездны. Огромной голодной бездны, проглатывающей галактики, не говоря уже о какой-то никчёмной душе.

– Телеметрия в норме, производится подготовка к восстановлению периферической...

– Отменить. Приступить к постепенному выводу из стазиса с отложенным режимом...

Воронка клубящихся, мерцающих и подрагивающих осколков закручивалась всё сильнее, набирая обороты вращения, вплетая в себя пустоту извечного мрака космоса. Он падал. Сначала молча, затем пытаюсь кричать и барахтаться, но всё же осознавая происходящее немного отрешённо. В ка-

кой-то момент среди круговерти цветных осколков, ключков темноты, далёких планет и звёзд появился совершенно неуместный объект.

Небольшой деревянный корабль, поставленный на гусеницы, вращался вместе с остальным душевным хламом, но замедлился и стал приближаться.

Его накрыло изумлением, будто прохладной волной воздуха среди жаркой пустыни.

Невообразимая конструкция приблизилась, выплывая из звёздного тумана, и на носу корабля появился мужчина. Высокий, худощавый, с короткими тёмными волосами, кривой ухмылкой и задорным блеском в зелёных глазах.

– Дядюшка Бо... – вымолвил Марк, опешив от изумления. Стоящий на палубе корабля мужчина отчаянно напоминал ему боцмана с «Астарты». Только в отличие от капитана Ричарда Моргана, Романов не питал ложных иллюзий, что его кто-то будет спасать или таранить ради него орбитальные базы, божественные чертоги или хранилище душ во Вселенной.

– Александр Реверс, – представился мужчина, подплывая ближе к Марку. – А это моя «Александрийская Рулетка», – кивнул он на корабль. – Серия «Берг», – добавил он. Мужик, тебя подбросить? – спросил он. – Мне по пути.

– По пути куда? – глупо спросил Марк.

– А тебе не пофиг? – флегматично осведомился капитан Реверс, сбрасывая во вращающуюся звёздную круговерть

трап с правого борта. – У тебя тут дела что ли?

Романов подавил острое желание нервно засмеяться.

– Постепенная реанимация, питательные растворы отменить. Время возвращения...

– Продолжать восстановление.

– Второй заключённый, номер...

– Телеметрия не нужна, данные не нужны. Приступить к выводу из анабиоза...

Воронка словно ждала безмолвной команды, начав закручиваться по часовой стрелке, едва Марк ступил на палубу берга. Капитан Реверс только ухмылялся, стоя у руля, который, скорее, выполнял декоративную роль, чем действительно был функциональным предметом.

Вокруг мелькали знакомые и незнакомые лица. Романов чётко видел лицо капитана Моргана, но тот был как будто старше на несколько лет, чем он его запомнил в их последнюю встречу на золотом пляже корабля Светлых. Чужих, нелюдей, новой совершенной формы жизни, если уж быть точнее.

Ричард Р. Морган кружился среди мельтешащих крупинок мусора или далёких миров, то и дело проносясь мимо Марка и едва ли не задевая его краем белоснежного плаща.

«Рыцарь без мозгов и на них намёка», – подумал Марк. Где-то в отдалении мелькали члены команды «Астарты»,

а совсем рядом проносились похожие на них люди. Романову казалось, что он разглядел Анну Штафф, но немного другую, будто копию самого майора ХаСОМ. Иная форма, жёсткие черты лица, холодные глаза, при взгляде в которые даже бывалому полковнику хотелось отвести взгляд.

Проплыл, флегматично заложив руки за голову, кто-то подозрительно похожий на доктора Травкина, за ним, будто смеха ради, пронёсся невысокий блондин, догоняющий огромного красно-оранжевого кота.

Остальные образы Марк рассмотреть уже не мог. Воронка закручивалась до предела, смазывая лица, ускоряя вращение. У Романова появилось ощущение падения, и он постарался выровнять дыхание, как учили его когда-то, но вовремя сообразил, что вовсе не дышит.

Он сделал невероятное усилие и оглянулся, когда почувствовал, как на его плечо легла чья-то тёплая ладонь. За спиной Романова стоял Маттершанц, улыбаясь грустно и немного виновато.

– Доктор Маттершанц, – почти не разжимая губ, произнёс Марк, на которого снова нахлынула недавняя ненависть. Но теперь полковник уже не мог точно сказать, кого именно и за что так яростно ненавидит. Единственным ответом была ненависть к самому себе, но об этом Романов решил подумать после окончания всех вращений.

– Не волнуйся, Марк, ты всё равно всё забудешь, – тихо сказал Маттершанц. Романов понял, что голос доктора с ко-

рабля-пирамиды перекрывает растущий в ушах гул и треск, проникая в само сознание.

Внезапно Маттершанц дёрнулся вперёд, прижал руки к горлу и широко раскрыл глаза. Романов отшатнулся в сторону, когда из горла доктора показался острый кончик блеснувшего предмета, а изо рта Матти хлынула красная кровь.

За спиной доктора появилась странная дрожащая субстанция, постепенно приобретающая образ не то Анны Штафф, не то незнакомой женщины, похожей на Анну, не то вообще непонятого существа, у которого не было пола и возраста.

Убийца Маттершанца облизнулся длинным раздвоенным языком, подцепив кончиком каплю крови Матти, и прошлепестел в лицо Марку:

– Такая же красная и солёная, как и у всех вас, но для меня нет ничего слаще.

Убийца резко вытащил своё оружие из тела, оттолкнув его на руки стоящего впереди Марка. Тот инстинктивно поймал окровавленного доктора, оглядываясь по сторонам. Реверс куда-то исчез, гул вокруг становился всё невыносимее, а доски палубы стали скользкими и липкими от крови...

– Дать пробный разряд, продолжать повышение обменных процессов, ток крови и лимфы...

– Осуждённый номер... простите, судья Шойц, сбой системы, номер не читается...

– Завершить реанимацию, разбудить заключённых в установленном порядке...

1.2. Химера

– Шиффс, вы сделали вероятностный расчёт для сектора Эклетики? – Директор сегодня выглядел особенно задумчивым, и даже позволял себе слабости, характерные для долгого ношения человеческого тела. Он поглаживал своими длинными пальцами бороду клинышком, выросшую на подбородке буквально за ночь, и иногда вздыхал. – Мне необходима раскладка сил для противостояния...

– Разумеется, господин Директор, – легонько поклонился Шиффс, скрывая ухмылку на тонких губах. – Всё готово, и данные загружены в ваш личный информаторий, код «Песок». Разрешите отбыть в биомедицинский сектор для проведения инспекции... э-э, стандартных мероприятий?..

Про себя он ругнулся услышанными где-то на местных линиях связи словами, негодуя по поводу неслучайной оговорки.

Но капитан-директор не заметил слов своего подчинённого, продолжая изучать данные из оперативных сводок и виртуальных зондов.

– Да-да, помощник, идите, идите... – он взмахнул рукой, поместив свой тощий зад в мерцающее облачко-кресло, и разворачивая полотнища экранов. – Не забудьте посетить главного Инженера, у него были какие-то вопросы по сектору, который ранее возглавлял доктор Маттершанц...

Шиффс поклонился чуть глубже, и немедленно покинул помещение, подумав в тщательно огороженном внутреннем пространстве: «Всюду этот Маттершанц, куда не посмотри... Однако, не навесить ли мне отстойник со стазис-капсулами? Сдаётся, там найдётся нечто, что может решить проблему сосланного любимчика Директора. Раз и навсегда...» Он прекрасно понимал, что «навсегда» – это очень долгий срок, и планировал провести его с максимальной пользой для себя и своего самомнения.

В сияющем белом свете, заполнявшем простиравшийся в бесконечность зал биомедицинского сектора, открылся участок, покрытый темнотой и густыми тенями, особенно выделявшимися в общем сиянии. Тёмные пятна побледнели, пульсируя, и распались на мелкие точки, растворившиеся в воздухе, явив взору Шиффса ряд блестящих серым металлом округлых капсул высотой в два человеческих роста. Их непрозрачные бока были украшены причудливой вязью на одном из языков Первого мира, и рядами переливавшихся драгоценных камней, огранённых или имевших первоначальную форму. Помощник капитана скривился, и медленно двинулся вдоль стазис-саркофагов, с трудом разбирая сложные завитки надписей:

– Антигона... Протей... Прометей... Нет, не то... Деметра... Астарта... Химера, – Шиффс остановился, и потёр руки совершенно человеческим жестом, сухо шелестнув пола-

ми одеяния, в которое был укутан. – Химера... Ты-то мне и нужна!

Он тщательно проследил, чтобы вокруг сформировалось и закрепилось маскировочное поле, и начал долгую процедуру вывода капсулы из стазиса. Пока пальцы бегали по драгоценным камням, касаясь их в строго заданной последовательности, помощник Директора вспоминал о прежних временах, когда его только ввели в экипаж Центральной пирамиды, и познакомили с обязанностями и должностными инструкциями. Тогда ещё не было Маттершанца, а преобразования миров проводились одно за другим, каждый день... Флот сновал по Вселенным, словно стремясь находиться одновременно везде и всегда, и переходы-галереи обзорного зала в центре каждого корабля заполняли люди и нелюди – кто в телах, драпированных в мягкие полотнища, кто в энергетической форме, кто в машинной... Никто и никогда не смел стать на пути, будь он неладен, у Первых. «Да, изгнанников. Да, отверженных. Но – не побеждённых и несущих Свет, причиняющих добро и изменяющих пространство и время!»

Шиффс проверил данные капсулы, и ускорил темп нажатий на камни, его пальцы словно размазывались от скорости. Мысли тоже скакали, словно ужаленные.

«Когда я прибыл сюда в первый раз, здесь были только Прометей и Астарта. Они были из Первого Мира, и добровольно ушли в изгнание, а потом – и в тесное вместилище

саркофагов. Снаружи может пройти миллиард циклов, и пирамида пролетит сквозь мириад миров, но внутри не минет и секунды... А они всё так же будут раскрывать свои рты в замёрзшей навеки гримасе боли и страха – стазис очень болезненная процедура. Но это их выбор».

Потом сюда стали ссылать. Нечасто, и только особо ценных специалистов – чтобы можно было отключить поля, достать, использовать, и поместить обратно.

А спустя какое-то время пришла она. Химера. Сочетающая в себе Свет изначальный, свойственный людям Первого Мира, Тьму окружающих пространств... и Хаос, вечный и неделимый.

Капсула тихо щёлкнула, и по её боку прошла тончайшая волосяная ниточка-щель, испускающая пар и лучики сияния. Потом вся передняя часть саркофага растворилась в воздухе, открыв взору Шиффса стройное тело женщины, замершей в расслабленной позе отдыхающей нимфы.

«Я уже и забыл, как она прекрасна, – Шиффс с трудом удержался, чтобы не облизнуть губы. Слишком много человеческого, слишком много тела... – Надо помнить, что Химера ещё и смертельно опасна. Она не скована никакими ограничениями, и не имеет сдерживающих факторов, кроме одного – подчинения Золотой Пирамиде».

Он осторожно прикоснулся к мерцающему клочком молочного света камню-активатору. Белокожая женщина в капсуле пошевелилась, её длинные изогнутые ресницы, по-

крытые золотой пылью, дрогнули, и тело, драпированное в тончайшую ткань шафранового цвета, слегка обмякло. Напряжённые соски на небольших грудях совершенной формы обрисовались под натянутым полотном, а покрытые багровым лаком удлинённые ногти впились в мягкую пористую обшивку.

Шиффс сглотнул, напоминая себе, что, во-первых, он не совсем человек, во-вторых, плотские влечения давно над ним не властны, и, в-третьих, лучше, безопаснее и приятнее возжелеть возлечь с дикой тигрицей, чем с этим чудовищем. «Лёгкая испарина, небольшой сбой энергополей, и вроде бы всё в норме, но почему так странно стучит сердце, отдаваясь в голове... и чреслах?»

Химера пошевелилась, и открыла глаза, наполненные тьмой. У неё не было зрачков, и сразу за веками шевелилась темнота, в которую, казалось, проваливается весь окружающий свет.

– Зачем ты разбудил меня, Меридо? – тяжёлый грудной голос обволакивал Шиффса почти полностью, и его колени отчётливо тряслись. – Спустя столько времени... Младший, кто позволил тебе появиться здесь одному?

Помощник вспомнил, что он захватил с собой блокиратор, и трясущимися пальцами нашарил в складках одежды прохладный продолговатый футляр с выступом посередине. Щёлкнув переключателем, он почувствовал, как его отпус-

кает охвативший было ужас, и прошипел в ответ:

– Не называй меня так, заключённая! Моё имя – Шиффс, и я уже давно не младший. Я – помощник капитана-Директора!

– Младший, ты был им и останешься... – губы Химеры, чуть ли не мгновенно обретшие пухлость и яркий пунцовый цвет, изогнулись в хищной усмешке. Она потрянула рассыпавшимися по небольшой подушке-выпуклости волосами цвета спелой пшеницы, и с шипением втянула их внутрь, превратив роскошную гриву в короткую, почти мужскую стрижку. – Где Плакт, где этот зануда Иеор? Они умерли, или сбежали?

Одежда Химеры тоже претерпела метаморфозы – вместо свободно ниспадающих волн светлой ткани на ней оказались неширокие шаровары и тончайшая блузка, подчёркивавшая каждый изгиб её великолепного тела. Подхватив лежавший в ногах тонкий серый плащ, женщина медленно перетекла из саркофага наружу, встав перед Шиффсом.

– Они не придут, – насупился помощник, ещё раз прожимая тугой выступ блокиратора. – Я пробудил тебя затем, чтобы...

– ...убить очередной мир, – прервала его Химера, опираясь на драгоценные камни своей капсулы, и изящно изучая кончики ногтей. – Или своего начальника? Выбирай, что тебе ценно, младший. Я выполню работу, но плату ты мне предоставишь сейчас...

Шиффс передёрнулся. Слова его собеседницы упали на благодатную почву – если бы господин Директор... завершил свой путь, следующими кандидатами в капитаны становились главный Инженер, и, собственно, первый помощник. «Но я хочу свалить шефа самостоятельно».

– Нет! – почти закричал он, отскакивая назад, к границам маск-поля. – Мне не нужно разрушать мир, но... Вот образцы тканей одного... человека. Его необходимо... устранить.

Перед Химерой на светлых плитах пола материализовался контейнер с образцами. Она легонько ковырнула крышку пальцем ноги, и ненадолго прикрыла глаза, избавив Шиффса от необходимости лицезреть заполнявшую их темноту.

– Маттершанц? – с презрением произнесла женщина, отшвыривая прочь рассыпавшуюся в прах ёмкость. – Изгнанник из изгнанников, ставший человеком? Ты не расплатишься со мной, Младший...

Шиффс ещё раз нажал на блокиратор, начиная беспокоиться. Работает ли устройство?

– Он и будет твоей платой, Химера, – помощник облизнул пересохшие губы. – Его душа и тело, его потенциал, запёртый в клетке – принадлежат тебе. Найди и... уничтожь его.

– С этой задачей справился бы и ты, Младший... Ш-шиффс-с-с... – растягивая шипящие, протянула она, придвигаясь всё ближе и ближе...

Шиффс снова нажал на выступ футляра, покрываясь липким потом.

– Брось каку, мальчик, – грубым голосом просипела прямо ему в лицо Химера, оскаливаясь. Её клыки впечатляли – помощник безвольно обмяк, и упасть навзничь ему не давала только железная хватка Химеры, сдавившей руками его горло и промежность. – А то поранишься...

Через полчаса Шиффс очнулся на груди своей же рваной одежды, обнажённый, порядочно обескровленный, и почти полностью опустошённый – как телесно, так и духовно. Удовлетворённая Химера, стоявшая над ним, кивнула, как только заметила, что помощник пришёл в себя, и тихо произнесла:

– Это – задаток. Я взяла его с тебя, чтобы начать поиск. Молись всем богам, которых ты не успел проклясть, чтобы я нашла твоего Маттершанца живым...

– Я-я-я...

– Заткнись! – хлёсткая пощёчина повалила пытавшегося встать Шиффса наземь, и отшвырнула в сторону. – Младший, поверь, если он умрёт раньше, я вернусь за тобой, и никакая Пирамида меня не остановит...

– Я... Я... люблю тебя... – помощник обессилено уткнулся лицом в бледные руки, и завыл: – Химера!!!

– Засранец... – женщина сплюнула красным на испачканные кровью и прочими телесными жидкостями рваные драпировки, и одним движением завернулась в сверкнувший серым плащ. – Червяк...

– Я не сказал, где искать Матти... – простонал сквозь пальцы Шиффс, стараясь не потерять сознания от слабости. – Он...

– ... Потерялся, – Химера усмехнулась, облизываясь. – Но я его найду.

Она повела плечом, и исчезла в тёмном вихре, рассеявшемся прахом, запятнавшем пол и Шиффса.

Тот с трудом отнял руки от лица и застонал... «Какая женщина! – билось в его сознании, тихо сползающем в темноту. – Как же приятно быть человеком хотя бы в этом...»

1.3. Ханна Шойц. Шестой отряд. Фобос

2277 год

Я смотрю на алое, полуприкрыв глаза, вдыхая его запах, смешанный с горьким запахом гари и сладким запахом неизвестных мне трав поблизости.

Мне совсем не интересно, чем кончится сцена передо мной. Я итак это знаю. Ещё пять минут назад я сам стоял в той же позе, поглощая пищу, удовлетворяя свои инстинкты, наслаждаясь обильной жатвой. Сейчас я просто хочу спать. Как хорошо, что до вечера мне не придётся выходить на вахту. Сегодня очередь других братьев, я могу просто сидеть, изредка поглядывая в ярко-голубое небо над головой, прикрывая глаза от солнца, и вдыхать запахи...

Спорных было всего пятеро. Они стояли на коленях, со связанными за спиной руками, бессильно уронив головы на грудь. Никто не произносил ни слова, в полной тишине были слышны только приглушённые всхлипы молодой женщины, прижимавшей к груди мёртвое тельце маленькой девочки. Хмурый, мрачный до предела мужчина, с седыми висками на фоне иссиня-чёрной шевелюры, тенью замер у противоположной от спорных стены.

В сарай вошла невысокая женщина. В высоких блестящих сапогах почти до колен, облегающих тёмно-серых штанах и форменной куртке судьи. Её узкое бледное лицо не выражало никаких эмоций. Бесстрастные, почти мёртвые глаза смотрели совершенно спокойно. Она прошла из стороны в сторону, давя каблуками сапог мелкие камешки, с хрустом разлетающиеся на крошечные осколки под ногами, остановилась напротив первого из спорных и ровным голосом осведомилась у мужчины рядом, чьи тёмные волосы покрывала седина на висках:

– Что он сделал??

Женщина едва заметно кивнула на первого спорного.

– Вырезал три семьи, – сглотнув, хрипло ответил офицер. Женщина склонила голову набок, сощурилась, разглядывая лицо мужчины, стоящего на коленях перед ней.

– Отправить в лабораторию, после последней вылазки нам нужны новые органы.

Осуждённый дёрнулся, в панике пытаясь отползти прочь, но ему не хватило сил. Он лишь завалился влево, бледный, как снег, шепча нечто неразборчивое в адрес женщины в форме.

– Следующий?

Она сделала шаг дальше, проходя мимо ряда спорных.

– Ослушался приказа не поджигать храм.

– Жертвы? – женщина холодно посмотрела в юное, почти мальчишеское лицо спорного.

– Старый священник, отказавшийся покинуть святилище.

– Умер в огне?

– Отказало сердце, – словно через силу, произнёс офицер, не двигаясь с места. – Он его сам вытащил, – мужчина кивнул на спорного.

– Отправить на уборку за шестым отрядом, после их поощрения, разумеется. Этот?

Женщина подошла к третьему из пятёрки.

– Он и два его союзника, – офицер указал кивком на двух спорных рядом, – изнасиловали несколько женщин и детей, заставив семьи смотреть на это. Вон та женщина – одна из них, – он махнул рукой на всхлипывавшую у стены женщину с мёртвым ребёнком. Судья медленно подошла к ней, по сараю разнёсся громкий хруст каменной крошки, который показался офицеру скрежетом зубов судьи. Женщина заглянула в лицо плачущей матери, потом долго и пристально всматривалась в мёртвое личико девочки на её руках, затем также медленно повернулась и глухо произнесла:

– Всех троих отдать в шестой отряд.

– Нет! – в панике завопил третий спорный, пытаясь упасть на земляной пол. – Нет, вы не можете! Нет, пожалуйста, только не в шестой отряд! Мы же ваши люди, мы прошли с вами не одну зону, мы вместе... мы же люди! Мы ваши люди!

– Идём со мной, – не желая выслушивать причитания размазывающего по лицу сопли и землю солдата, сказала судья, кивком позвав с собой женщину с ребёнком. – Ты увидишь

наказание, если захочешь.

Та лишь молча кивнула, сильнее прижав к груди тельце дочки.

Наслаждение... какое же это наслаждение, о, боги мои! Невыносимое, разрывающее рецепторы в клочья, терзающее острыми иглами сознание, наливающее разум лёгкостью и сладостью. Наслаждение...

Плоть так сладка, что я не в силах устоять, не в силах остановиться. И возжеление, и страсть, и наслаждение самым древним, самым крепким инстинктом, инстинктом размножения.

Они называют это спариванием, сексом, удовлетворением. Что они могут об этом знать? Ничего. Ни-че-го... они – люди, простые организмы, слабые, сладкие.

Я другой. Мы все другие. Мы понимаем, как это безгранично прекрасно, невыносимо красиво и слишком сильно, чтобы устоять перед тёплой плотью, перед вкусом их страха, их агонии, их попыток отгородиться от нас...

– Я... я не понимаю...

Женщина с ребёнком не могла отвести взгляда от развернувшейся перед ней картиной, в ужасе и отвращении скривив рот.

– Что они делают с ними? Кто это вообще такие?

– Это то, что получилось из человека и насекомого.

Тоже люди, только бывшие, бывшие когда-то богомолами. Не правда ли, прекрасный гибрид?

Судья не смотрела вперёд, глубоко затягиваясь сигаретой с крепким табаком. Она видела эту картину много раз, ей не требовалось смотреть на процесс наказания.

– Что они делают? Они же их насилюют и... едят... прямо в процессе едят, святой боже!

– Это – шестой отряд, – пожала плечами женщина в форменной куртке судьи. – Люди-богомолы имеют свои взгляды на инстинкты. Как и те люди, которые имели свои взгляды на вседозволенность в этом секторе.

Она развернулась и пошла прочь, громко хрустя мелкими камешками под каблуками высоких блестящих сапог.

шоль 2278 года

Судья вошла во внутренние помещения опорного пункта доставки как раз в тот момент, когда позади невысокого каменного мешка садился транспорт с новой порцией доставленных на изменения людей.

Неуклюжая конструкция из нагромождения отсеков, внешних пузырей жизнеобеспечения и прилепленных тут и там переходов осторожно и аккуратно втискивалась на отведённую ей площадку, захваченная гравилучом станции.

Жадно затянувшись в последний раз, судья щелчком указательного пальца сбила горящий уголёк с сигареты и отбросила окурочек в сторону, не позаботившись попасть им в ути-

лизатор рядом.

Силовая мембрана входа мигнула радужной плёнкой, пропуская женщину внутрь. Со стороны казалось, будто любой желающий может так же свободно входить и выходить в центр переработки, но на самом деле в рамы входного портала были встроены сотни датчиков, посылавших мгновенный запрос, обрабатывающийся в течение наносекунд миллиардами циркулирующих в крови нанороботов, которые и давали искомую комбинацию ответного пароля.

Для судьи прошла секунда реального времени, и она оказалась перед старомодным лифтовым механизмом, должным привести её в криокамеру, где ожидали после последней разгрузки новые кандидаты на переделку или отправку в регулярные части сил МАСКи – Марсианского Альянса Силowych Корпораций.

МАСК, или МАСКа, взявшие в свои руки бразды правления по терраформации планет ещё несколько веков назад, крепко удерживала власть, безжалостно подавляя любые попытки бунтов или мятежей в своих рядах отдалённых подразделений, не забывая и про силы самообороны далёких колоний, которым не всегда нравились красные щупальца правительства.

Внезапно получившие в своё распоряжение не только сосредоточение строительных верфей новейших космических кораблей, оружейных заводов и транспортные узлы, но и силу распоряжаться всем этим добром, МАСКа в реальности

показала, что значит натягивать эти самые маски до самых отдалённых глубин задницы.

Судья бросила безразличный холодный взгляд на переливающуюся голограмму из четырёх букв на двери криопомещения, и приложила ладонь к сенсорному замку.

– Ваша личность подтверждена, судья Ханна Шойц, доступ разрешён, – раздался мелодичный женский голос из встроенных в замок динамиков. – Время пребывания на данном уровне неограниченно.

Ханна даже не мигнула. Силовое поле окрасилось в ровный фиолетовый цвет, затем поблекло и стало прозрачным. Судья шагнула в помещение, по привычке поёжившись от резкого перепада температуры.

В криокамерах было прохладно. Сухой жаркий климат планеты, въевшийся под кожу судьи, отучил её от леденящей прохлады сумрачных ночей, снега или льда, которые иногда снились Ханне, словно воспоминания о несбывшемся прошлом. Картинки перемежались с диалогами, которые она слышала со стороны, стрельбой, бегом по внутренним помещениям космических кораблей, лицами незнакомых ей людей и странными именами.

Судья списывала эти видения на усталость и дерьмовую работу.

Когда она только заступила на обязательную пятилетнюю вахту исполняющего обязанности судьи на отдалённой колониальной планете без чёткого статуса и определённой роли,

её предшественник сказал ей:

– Если с тобой тут что и случиться, ты всегда можешь рассчитывать на то, что мы тебя будем помнить. Как говорится, помним, верим, соскоблим!

Он засмеялся, увидев замешательство в глазах юной сменщицы, хлопнул её по плечу и добавил серьёзным тоном:

– Капец тебе, грешница...

Оценить всю полноту фразы бывшего полевого судьи в звании капитана особого отдела МАСК Шойц смогла уже через пару недель.

Она никому не рассказывала о том, что увидела, но с тех пор, как в главный узел МАСК ушёл её первый полновесный отчёт о самостоятельной операции в полевых условиях, глаза Ханны стали похожи на два тёмных стёклышка, за которыми поселилось безразличие, ледяные ветры и некая отрешённость.

– Система, дай весь список, – потребовала Ханна, едва оказавшись по другую сторону силового барьера. Невзрачный для обычного человека затёртый значок судьи на форменной куртке засветился мертвенно-голубым сиянием, и перед глазами Шойц развернулись красочные диаграммы и графики.

«Опять очередной мусор с рудников или беглые дохляки из островных тюрем, – с тоской подумала Ханна, привычно просматривая данные на голографическом экране, плывущем перед ней, – сколько мне там осталось до конца вах-

ты? Год или около того, кажется... – она на секунду отвлеклась, едва не пропустив нечто интересное. – А это ещё что?»

– Система, развёрнутые данные по объекту, номер...

Она сверилась с данными на голограмме, и произнесла их вслух.

– Данные отсутствуют, судья Ханна Шойц, – вежливо объявила система.

– Какие для него выбраны программы? Интеграция? Нанотрансформация, замещение ДНК на цепи насекомых?

– Данные отсутствуют, судья Ханна Шойц, – тем же вежливым и безликим голосом пропела система. Ханна удивлённо осмотрелась по сторонам, будто впервые в жизни видела это помещение.

Ряды грузовых отсеков, через которые в криокомнату поставляли замороженных подсудимых, всё так же безмолвно прятались за толстыми сверхпрочными дверями вдоль стены слева от Ханны. Противоположная стена целиком и полностью была отдана под ледяные резервуары с грузом, спокойно отмерзающие по заданной программе вместе с содержимым. Впереди реанимационный блок, позади входная мембрана силового поля, в центре узкий проход, в который выдавались голографические экраны с данными на тот или иной резервуар. Достаточно было просто остановиться напротив, чтобы система считала по тепловому лучу присутствие человека, любезно снабдив его необходимыми сведениями о заключённом или отправленном на интеграцию объекте.

– Место отправки? – с ноткой беспокойства спросила Ханна, сдвинув тонкие тёмные брови, и почёсывая переносицу.

– Данные отсутствуют, судья Ханна Шойц, – привычно отозвалась система.

– Какие данные имеются на объект? – судья попыталась представить, какой именно из резервуаров содержит необычный груз, медленно осматривая ряды подсвеченных фиолетовым транспортных носилок вдоль стены.

– Место узлового перехода – Фобос, пункт назначения – Эклектика. Личное дело отсутствует, – начала перечислять система, – подпись старшего смены отсутствует, учётная запись в грузовом порту отсутствует, данные телеметрии отсутствуют...

Из бесстрастного бормотания системы управления криокамерой Ханна поняла только одно: по данному объекту отсутствуют все возможные данные, кроме того, что объект каким-то образом был доставлен на Эклектику в замороженном виде.

«Фобос, – наморщила лоб судья Шойц, – спутник Марса в Солнечной Системе Земли, одна из первых расконсервированных баз МАСК, 17 миль в диаметре, эллипсоидная орбита, удалённость от планеты... – Ханна попыталась вспомнить точные характеристики спутника, но вместо этого лишь сбилась. – Человечество, конечно, и в начале XXI века пыталось осознать, почему исследования Фобоса дают представления о нём, как о полом спутнике, покрытом своеобразной пла-

стинчатой обшивкой и с геометрически правильными внутренними помещениями, но сейчас-то уже известны ответы на эти вопросы, – продолжала размышлять судья, – зачем же делать такую тайну из того, что с базы МАСК отправили сюда какого-то бедолагу? Странно, конечно, что не осудили там, на Марсе, но если отправляли на интеграцию или нанокоррекцию, то это вполне объяснимо – об ошибке никто не узнает, МАСК сохранит лицо, а точнее, свою маску».

Ханна жёстко усмехнулась мысленному каламбуру.

– Система, дай изображение объекта, – потребовала она.

– До или после восстановления жизненных процессов? – уточнил мягкий голос.

– После, – невольно поморщилась Ханна. Она терпеть не могла смотреть на замороженные лица, превращённые в бледные куски полупрозрачного льда.

Голографический экран перед её лицом мигнул и развернулся в трёхмерное изображение мужчины средних лет. Не слишком симпатичное лицо: острые выдающиеся скулы, раскосые тёмные глаза, узкое лицо, прямой нос, довольно высокий лоб. Длинные русые волосы, неровно постриженные по последней марсианской моде. Телосложение самое обыкновенное, разве что, чуть лучше, чем можно было бы иметь в его годы, ничего лишнего, но и ничего примечательного. Внешность мужчины немного отталкивала с первого взгляда, но через некоторое время это впечатление уходило.

– А это что ещё... – пробормотала Ханна, всматриваясь

в тёмное пятно на ключице подсудимого. – Система, можешь увеличить до полноценной картинки вот это место? – она коснулась пальцем смутного пятнышка на изображении человека перед ней.

– Выполнено, – произнесла система.

Ханна прочла надпись, больше всего напоминавшую ей клеймо, которое ставили каждому из шестого отряда, с которым ей частенько приходилось работать в беспокойных приграничных зонах:

– Маттершанц...

Глава 2. Лондресс. Судья

*«Этот мир похож на нескончаемую битву.
Сражение между алчностью, брезгливостью,
глупостью и скупостью... И я бы рад разорваться
на тысячу частей, но не могу».*

Ричард Р. Морган, Судья.

*Нет и нет, мне не до смеха
Нет окна и дверь размыта;
Ведь пытать меня приехал
Сам Великий Инквизитор
Пикник – Инквизитор*

2.1. «Кисс Тс-с-с»

«...Какой же он здоровенный», – отвлечённо подумал Рик, погружая лезвие катаны в живот противника, возвышавшегося над ним, как маленькая гора. Дымящееся от испаряющейся крови полотно клинка вышло из спины, и зашипело. Амбал пытался орать, суча руками, но заблокированные голосовые связки и частично парализованная дыхательная система позволяли только сипло хрипеть. Почти неслышно, с выходящей толчками из тела кровью, жизнью... и продуктами жизнедеятельности. «Куда уж без этого... – Судья ласково повёл мечом вверх, рассекая тело, словно оно

было сделано из желе. – Все мы полны дерьма, и оно всегда выходит наружу».

Доведя разрез до подключичной ямки, Рик стряхнул тело с клинка, одним лёгким движением отрубив голову, и успев нацарапать остриём на лбу литеру «У».

Труп, лежащий в луже крови и испражнений, отсечённая голова, свет лун в небе, и приближающийся хриплый вой паровых сирен полицейских... Рик оправил кипельно-белый плащ, на котором, несмотря на резню, не было и пятнышка, и спрятал меч, в последний раз блеснувший молочным отсветом городских огней, в Бездну. Здесь работа была закончена. Память казнённого он просмотрит позже – в эту клоаку лучше соваться, находясь в безопасном месте...

Сегодня в баре было пусто, как и всегда по ночам. Казалось, питейное заведение в районе доков и шлюзов должно быть наполнено народом всегда – три рабочих смены, суда, отшвартованные в гавани, «удачное» расположение неподалёку от Весёлого Района... Но нет, здесь всегда царили полумрак, спокойствие и тишина. Один-два завсегдатая, тихо сидящие над своим пивом в углах большого тёмного зала с закопчёнными балками из натурального дуба. Сломанный музыкальный автомат, тренькающий у входа ненавязчивое «Боже, храни Королеву-Волчицу». Ободранные бильярдные столы, скупо освещённые конусными лампами – в дальней части помещения, рядом с чёрным входом и двер-

цами отхожего места. И, разумеется, хозяин, монументально возвышающийся за чёрной лаковой стойкой, покрытой застывшими восковыми потёками.

Он всегда приветствовал уставшего Судью, когда тот поместил свой тощий зад на вертлявый стульчик, первый слева у барной стойки. Белая шляпа ложилась на стекло столешницы вместе с фразой: «Дерьмовая ночь сегодня, сэр». Кружка с тёмным, пахнущим карамелью и мёдом, пивом скользила к Ричарду под аккомпанемент ответного: «Как и всегда, Джонни», а первый глоток освежающего напитка сопровождался хриплым смешком: «Бывает и хуже, хе-хе...»

– Джон, скажи мне, пожалуйста, – Рик отхлебнул из кружки, и блаженно зажмурился, – почему люди – такие... люди?

– Сэр? – бармен отвлёкся от протирания стаканов и одновременного чтения какой-то толстенной книги, которая, как знал Морган, лежала под стойкой на специальном пюпитре. – Люди? Какие люди?

– Обыкновенные. Живые.

– Все пока ещё живые рано или поздно становятся неживыми, или не совсем живыми... – философски заметил Джон, украдкой перелистывая страницу. – Живость и «такость» людей – лишь эфемерные ростки на древе боли.

В устах почти двухметрового богатыря, заросшего сивым волосом по самые брови, такие слова звучали, по меньшей мере, странно. «Звучали бы», – поправил Рик. – «И странности тут не больше, чем в окружающем мире».

Он задумался. Вкус пива, которое он пил только ради наслаждения самим вкусом, вызывал странную бурю в ассоциативных связях сознания. Судья вспоминал, как он появился здесь, как начал собирать свою цепь – по звеньям. По крупинкам находя следующее место и время. Выслеживая, пропуская сквозь себя ночь, свет огней далёких улиц, выдохи человеческих уст, и запах человеческих мыслей.

Сегодняшний амбал-подхалим из Ночного города был не первым, и не последним. Как с гидрой, Рик сражался с многоглавым, многоруким и многочисленным чудовищем местного дна, и на смену одному сражённому членнику этого гигантского солитёра приходила сотня...

Каждый из них намертво запечатлел себя, от рождения и до смерти, внутри Судьи. Он проживал вместе с ними короткие бессмысленные жизни, убивая людей, время и смысл, протягиваясь в будущее сквозь тонкие ушки иголок-душ, и не различая там ничего, кроме тьмы. Собственно, если Рик не видел ни грана света в существовании подсудимого, приговор выносился незамедлительно. Смерть. Обезглавленное тело, вычерченная кончиком острия катаны на лбу литера вины, дождь, грязь, утренние выкрики мальчишек-газеттеров: «Белая Смерть забрала ещё одного подонка! Три денье за лист!»

Пока только один из них заставил Судью вынести приговор жизнью – маленький грабитель, убивавший своих жертв ударом шила в печень. Крысеныш не осознавал, какая веро-

ятностная буря поднялась вокруг него под взглядом незнакомца в незапятнанном белом плаще и странной шляпе, только что разделавшего, как свиней на бойне, двух его старших братьев по Дну. Оборвыш опустился на колени в залившую кровью грязь, и первый раз в жизни молился Богу. По-настоящему молился. Из-за этой молитвы, и сотен грядущих за ней – вытекала вся грязь, боль и темнота души, и появлялся свет. Зарождался там, где его не могло существовать ранее... «Максимиллиан Доннер-старший, ты будешь жить, – безжалостные серебряные глаза, казалось, выжигали душу. – Сегодняшняя ночь пусть послужит тебе напоминанием...»

Ричард вздохнул, отправив по стойке в цепкие руки Джона опустевшую кружку, и две тяжёлые монеты. В ответ скользнули ещё одна оставляющая пенный след ёмкость, и тихое покашливание бармена. Как видел Рик, Джонни считал, что посетитель слишком много платит – за каждую такую монету можно было выпить бочонок самого лучшего пива... Но отказать не смел. Морган же очень ценил комфорт, и не мог долго находиться там, где чувствовал несовершенство мира – а здесь, в тихом пабе у доков, ему было по-настоящему хорошо. И название, выведенное старым уставом над скрипучей дубовой дверью, тоже нравилось: «Кисс Тс-с-с». Вывеска из дублёной китовой кожи, в виде контура женского лица, подносящего к губам ладонь с выпрямленным указательным пальцем, тоже гармонировала с предвкушением тайны...

Снаружи, в нескончаемом тумане, медленно ползущем от реки серыми стылыми полотнищами, было промозгло, сыро и мерзко. Выдохи промышленных районов оседали на брусчатку и стены домов липкими каплями, запахи были приглушены, и даже знаменитая лондресская канализация воняла не так отвратительно. Четверо, укрывшиеся в подворотном проезде напротив входа в паб, тихо переговаривались между собой:

– Г`йз, т`из ур `ссол! Лет`ц ф`кин кил хим! – горячо шептал на искажённом инглезе один из них, выделявшийся даже в туманной полутьме валяной шапкой йомена из светлой шерсти.

– Ша, коadlo! – рыкнул другой, присевший за помятым жестяным мусорным баком. – Пиктам слова не давали!

– Не хотелось бы вляпаться в неприятности... – надтреснутым баритоном тихо произнёс человек, засевший на выступе стены, и изготовивший к стрельбе паровой арбалет. Из темноты блеснули, поймав случайный отсвет, украшавшие его лицо круглые очки с тонкой оправой. – Паб-то не простой...

– Срать. Нас – рать, – ответил им всем последний из группы, следящий за входом в питейное заведение через увеличительную трубу странной конструкции. Слегка светящиеся зелёным стёкла устройства могли бы многое сказать случайно пробежавшему мимо техноадепту, подсказав, что тру-

ба сконструирована для работы в темноте... Но адепты редко бегают по подворотням в районах доков, особенно по ночам.

От Темиз, тихо несущей свои воды в ночном мраке, явно потянуло сыростью, ветерок принёс запах рыбы и водорослей, ещё не перемерших от ядовитых стоков фабрик и заводов. Химией, впрочем, тоже пахло, да так, что заслезались глаза.

– Всё. Хватит, – вожак этой малой коды, спрятав трубу в карман, поднялся во весь свой немалый рост, хрустнув суставами. Даже сутулясь, он всё равно был на три головы выше обычного человека, а длинные руки, украшенные цепкими пальцами, свисали намного ниже колен. – Пьём из склянок. Потом заходим. Судью – валить. Остальных – по нужде.

Стрелок с арбалетом тихо хихикнул:

– По большой, или по малой?

Послышавшееся в ответ угрожающее рычание стёрло с его лица тонкую улыбку, и он аккуратно спрыгнул в низ, умудрившись приземлиться на скользкий булыжник совершенно бесшумно.

Бутылочки, до того тщательно сберегаемые в нагрудных карманах, обшитых ватой, сейчас опустошались под аккомпанемент сдавленных глотков и шипения втягиваемого через губы воздуха.

– М-мать, как горько... – прошептал кто-то.

– Тс-с-с! – шикнули ему. – Терпи. Вперёд. Тихо.

Дверь содрогнулась, скрипя досками и металлом оковки, но выдержала. От удара с потолочных балок посыпалась сажа и мелкая древесная пыль вперемешку с насекомыми. В кружку Рика, плеснув пивом на стекло стола, рухнул крупный таракан...

«Ну, вот, попил пивка... – подумал Ричард, нашаривая рукоять катаны за пределом, – Надо бы сюда в следующий раз кристалл от насекомых притащить».

Джонни прервал чтение, и недоумённо посмотрел на вход. Следующий удар напомнил попадание стенобитного ядра в крепостную стену, но с совершенно неожиданным результатом – вместо трещин, разлетающихся щепок и осколков камня случились лишь два облачка пыли и слегка затуманившаяся на миг дверь.

«Открыть?» – вопросительно взглянул на Рика бармен.

Тот пожал плечами. – «Твоя воля».

– Кому же так засвербело горло промочить? – вслух сказал Морган, покидая стул и занимая позицию чуть в стороне от стойки, ближе к массивному столу и окружавшим его стульям.

Третий удар вызвал сильнейший жукопад, но и только. Дверь даже не шелохнулась.

Четвёртого же не случилось – в лицо Судье пахнуло знакомым холодом, и дубовые доски растаяли, открыв скупое освещённое пространство снаружи паба, где в полотнищах тумана и редких пятнах света от газовых рожков и кристаламп

бежали к двери три смазанные скоростью и темнотой фигуры, облепившие здоровенное бревно.

Подонки не могли затормозить перед внезапно распахнувшимся проёмом, и влетели внутрь вместе с импровизированным тараном, запутавшись в ногах и своём осадном оружии. В результате – неопрятная куча-мала из тел и дерева на тщательно выскобленных досках пола, внутренне смеющийся Ричард, и устремившаяся к нему в сумраке полированная рыбка ртутного болта, украшенная едва заметным шлейфом...

Размазавшись от резкого ускорения, Морган точным движением развернувшегося на всю длину клинка подбил болт вправо от себя, к дубовым панелям стены. От резкого удара и изменившегося направления полёта ёмкость в головке болта раскрылась, и шарики алхимической ртути медленно начали свой независимый путь в загустевшем воздухе.

Из шевелящейся груды тел в судью полетели светлячки пуль – у кого-то из местных гангстеров оказался паровой или пружинный пистолет, игрушка дорогая и бесполезная, но... «Гляди ж ты. Не постеснялись выстрелить десятка три денье, – вторым слоем сознания думал Рик, создавая кинетический щит на пути кусочков свинца. – Что-то они быстро оклемались, снаружи только секунда прошла...»

Бандиты действительно пришли в себя неправдоподобно быстро – даже из ускорения, доступного Судье, было заметно, что живут и передвигаются они не намного медленнее

Моргана. Распутавшись, подонки разделились. Двое из них, выпучив странно блестящие глаза, и роняя пену с губ, достали короткие мясницкие секачи, и прыгнули вперёд, к цели. Третий же, ссутулившись, набивал в патронник переломленного пополам револьвера тускло блестящие медью заряды. Ричард профессионально отметил неприятно длинные пальцы этого бандита, искажённые пропорции фигуры, блеснувшие из-под вывернутых синих губ дюймовые клыки, и выпал в пространство принятия решений.

Здесь время не имело значения, как и многое другое. Только способность воспринимать потоки Вселенной, талант видеть души и судьбы, и решимость. Желание к изменениям, если угодно. И стремление освободиться...

Впервые тут была зима. Скелеты деревьев обступали выступ на чернеющей скале, ветер бросал в лицо пригоршни колючих снежинок, горизонт закрывала собой снежная буря, переваливавшая своё распухшее тело между невидимыми облаками и укрытой белым саваном землёй.

«Необычно... – Рик стянул с головы шляпу, и, оправив перо, повесил головной убор на штырь низкой ограды. – Летом здесь намного приятнее».

За оградой, в странном ритме, подрагивали тела прикованных к каменным пьедесталам людей. Камни горели прозрачным бело-синим пламенем, не дающим тепла, но обжигающим. Всего было четыре костра, по числу сегодняшних

подсудимых – троица ворвавшихся в таверну, и четвёртый, щедушный юноша в дорогих очках.

Обнажённые тела блестели от пота, выступившего из всех пор, и покрывшего каждый дюйм кожи. Теперь можно было рассмотреть, что предводитель этой коды – не человек вовсе, а кто-то из Горных народов. Два его подручных «быка» – тоже не местные, хотя и люди... «Север и запад, может быть – Зелёный остров, – подумал Ричард. У него было ещё несколько мгновений, когда он ещё мог оставаться собой, – А мальчишка-арбалетчик непрост, непрост... Прицельная сетка, выгравированная на стекле очков, паровой арбалет, ртутные болты – всё это м`р кс`пенси... то есть, влетело ему в копеечку».

Накатило. Как всегда, Морган словно начинал проваливаться в себя, одновременно поднимаясь куда-то к низкому, серому сейчас небу, и звёзды танцевали вокруг него, показывая свои прошлые и будущие пути. Звёздами были люди, и их свет, или их тьма – кому как не повезло – определяли их судьбу, и тяжесть приговора.

«Не надо думать, что Судья имеет только два приговора, и одно их исполнение, – вливались извне слова в опустошаемое сознание. – И жизнь, и смерть имеют много лиц, и ещё больше – масок. Ничто не является окончательным, и никто не наказывается палачом, приводящим приговор в исполнение – жить можно по-разному, а смерть... Она освобождает, приводя к вращению старого ветхого колеса. Колеса Су-

деб...»

Свет, исходящий от постаментов, становился всё насыщеннее, и рвался к небесам четырьмя яркими столбами, в которых студенисто тряслись чёрные тени заключённых в пламя тел. «Далее – Тишина», – с готовностью сказал себе Ричард, готовясь подхватить падающее небо.

Но оно не упало.

Мир, растекаясь лужицей воска на горячем противне, возвращал свои привычные человеческим органам восприятия формы, цвета, объёмы и течение времени. Ускорение сбросилось, надавив на плечи Рика изменившейся на миг гравитацией, цвета потускнели, и сумерки вытеснили свет.

– Что за дьявол? – помянул нечистого Морган, покачнувшись, – Что происходит?

Джонни, до того выпавший из восприятия всех присутствовавших, достал из-под стойки огромный том, отпечатанный «ин фолио», за которым тянулась, побрякивая, серебристая цепь. Бережно разместив инкунабулу на стекле перед собой, бармен раскрыл её, слабо шелестнув сияющими листами, и окунул ладони прямо в свет, потоками лившийся с разворота книги.

Рик услышал тонкие музыкальные ноты, словно где-то на границе слуха оркестр духовых инструментов настраивался перед грандиозной увертюрой... Если бы он мог видеть себя со стороны, то заметил бы, как в тон странной мелодии,

знакомой и незнакомой одновременно, его зрачки наливаются ярким серебром. Но Морган понял это только по пробегающим сверху вниз в поле зрения искоркам, и по разливающемуся по телу ощущению лёгкости и чистоты.

Глаза Джона в ответ светились тусклым золотом, мягко рассеивая сумрак. Он наклонился вперёд, всматриваясь в страницы. Свежий ветер, несущий запахи моря, соли и солнца, подхватил рассыпающиеся жёлтым песком тела вломившихся в паб громил с лондресского Дна, и их размочаленный гнилой таран, и вынес за порог. Дубовая дверь, блеснув тусклыми полосами оковки, соткалась из сумерек, и заняла своё место.

Ричард откуда-то знал, что подонки живы, и придут в себя где-нибудь вдалеке от «Кисс Т-с-с-с». Может быть, даже не с задницей на месте головы...

– Извини, Рикки, но они нарушили нейтралитет, – немного виновато улыбнулся Джон, аккуратно пряча книгу под стойку. – А исполнение приговора – слишком жестокая штука, здесь и сейчас...

– В следующий раз не буду брать работу на дом, – отшутился Рик, убирая из воздуха частицы ртути и свинца, и возвращаясь к своему стулу, перед которым на стойке уже поблёскивала стеклянная запотевшая кружка с рубиновым октябрьским элем. – И уж точно не стану притаскивать халтуру сюда.

Ты же понимаешь: искоренить то, что по твоему мнению, является злом, невозможно. Невозможно, если начинать снаружи и снизу.

Человек способен меняться только изнутри, и только по собственной воле, а убивая его, ты просто проворачиваешь Колесо на один добавочный оборот, лишая душу выбора и возможности научиться состраданию... И твой подсудимый снова и снова повторяет свой путь.

Ты хочешь спросить, какое тебе дело до его следующих оборотов? Да простое дело-то... Мы в ответе за тех, кого замочили...

Думай, Судья.

Думай, Палач.

Что страшнее – смерть в муках, или жизнь в отчаянии? А, может, жизнь в муках от понимания того, что ты совершил, и пришедшее с годами раскаяние?

Знаешь, есть одна старая, короткая и несмеиная история... Когда-то и где-то сошлись в битве среди звёзд и времён два бога. Бог машин – всесильный, всезнающий и владеющий мириадами миров. И бог людей – слабый, родившийся недавно... и так давно. Он умел любить и сострадать... Кто победил? Бог человечества. Бог человечности. Пожертвовав частью себя, он научил людей любви, которая могущественнее всех сил, и состраданию, которое является ключом к пониманию всего.

Иди, молодой палач. Иди, и думай. Попробуй понять, чего ты лишён, и как ты можешь это вернуть... Не бойся оступаться и падать, боль – хороший учитель. Особенно боль души.

Ты всегда желанный гость здесь... Пока ищешь себя.

2.2. Аббатство Петра и Павла

Монумент Королю Джону остался по правую руку, и кэб, поскрипывая плохо смазанной осью, свернул к продолговатому участку дремучих лесных зарослей вокруг аббатства святых Петра и Павла. Неувядаемую зелень рослых узловатых дубов, бронзовые листья клёнов, и тонкие серебристо-изумрудные пластинки альпийских вязов не мог истребить даже вездесущий ядовитый смог Лондресса. И выглядело это место странно чуждым, словно кусочек бескрайних европейских лесов, простирающихся от Дувра до далёкого Понта, вырвали неведомые гиганты, и, размахнувшись со всей своей гигантской дури, швырнули через Французский канал сюда, в столицу Королевства Уэлс-и-Умбры. Кельтский крест на вершине древних каменных сводов аббатства отливал серебром через переплетение ветвей, но было не ясно, где заканчиваются деревья, и начинаются стены.

Кэб, стравив пар, остановился задолго до символической ограды, окружавшей аббатство по периметру. Извозчики не рисковали приближаться к истинным Церквям, которые выводили из строя технику сложнее подзорной трубы. Приходилось работать нижними лапами, топчя ровные булыжники площади на пути к аббатству.

Швырнув монету в десять денье кэбби, мгновенно подхватившему плату, и спрятавшему в нагрудный кошель, его пас-

сажир в одно движение покинул коляску. Механизм почти не шелохнулся, а водитель, ухватившийся за отполированные рукояти, суеверно сплюнул наземь, и поддал пару. Пылая серыми облачками из невысокой трубы, словно обкусанной на конце, экипаж, поскрипывая и содрогаясь на выступающих камнях мостовой, развернулся и укатил вниз, к реке, где находился пассажирский порт, и всегда были клиенты...

Приехавший на кэбе отряхнул белый кожаный плащ от тонкой угольной пыли, сопровождавшей любую поездку на паровике, поправил чуть сбившееся во время прыжка из коляски кепи, такое же белоснежное, и посмотрел на зелёную стену, рвавшуюся к небесам в отдалении.

Он бывал здесь раньше, и неоднократно. В самом начале своего пути в этом странно знакомом мире, и потом – по приглашениям аббата Онгуса Элбана, окормляющего паству в «гнезде разврата и противной Духу Жизни технологии», как говаривал сам священник.

«Эх, Онгус, старина, если бы вы только знали... – ниточка воспоминаний протянулась куда-то далеко-далеко, подрагивая, словно струна диковинной арфы. Видения безбрежного космоса, массивных металлических корпусов кораблей, разрывающих бездну пространства, сотен планет и поселений на секунду заполнили сознание, чтобы схлынуть в следующий миг. Остались только чувства. Ностальгия, грусть, и ощущение долга, – и видели то, что видел я... Ваш мир

перевернулся бы».

Рик знал, что не прав в суждении касательно возможного переворота мирознания первосвященника Лондресса, но иногда так приятно ошибаться в людях...

Он направился к зелёной стене растительности, по диагонали пересекая открытую всем ветрам безлюдную площадь. Из-под подошв его сапог взлетали тонкие облачка белёсой пыли, которая ещё долго держалась в воздухе, прежде чем осесть. Пространство здесь, у стен, перерастающих в стволы и листья, звучало необычно, и имело особые свойства – триста метров от одного конца площади до другого можно было пересечь за считанные секунды, если двигаться к аббатству, но иногда приходилось идти часы, возвращаясь оттуда. На монахов, впрочем, это правило не распространялось...

Размышляя об особых свойствах континуума, умудрявшегося при том выглядеть практически неотличимым от обычного даже для восприятия, превосходящего человеческое, Морган достиг границы обильной растительности. Ветви кустарника чуть вздрогнули, и Рик осознал, что его изучают – внимательно, тщательно, но... не вдумчиво. Неразумно. Как если бы на него смотрел крупный сильный зверь, опасный и гордый.

Как и ранее, гляделки с лесом длились недолго, и в переплетении ветвей с тихим шелестом открылась узкая тро-

пинка, изгибающаяся по направлению к одному из входов во внутренние покои.

Неслышно появившийся из зелени монах в серо-зелёном пятнистом одеянии указал Рику на тропинку, и наклонил голову набок, как бы советуя воспользоваться приглашением. Судья посмотрел в яркие зелёные глаза жреца, и, вздохнув, направился в аббатство. Некоторые вещи никогда не менялись.

Он спускался по истёртым многими тысячами ног ступеням, и гадал: «Зачем меня позвали монахи? До ежемесячного визита с обязательным контролем – ещё декада... Разве что всплыли очередные, хе-хе, обстоятельства по лидерам Лондресского Дна. В доках. Рыбы верёвку перегрызли, например... Но почему так срочно?»

Рик приблизился к тяжёлым металлическим дверям, со скрипом распахнувшихся перед ним, прочертив на камне пола две серебристые черты. Два бесстрастных монаха замерли, придерживая массивные рукояти, отлитые в виде геральдических зверей, сплетавшихся в вечном единоборстве – дракон, грифон и лев... Далее по высокому длинному коридору, освещённому падающими сверху жёлтыми потоками света, его сопровождал появившийся из не приметного ответвления отец-келарь, побрякивая связкой ключей на шитом жемчугом поясе. Обычно любящий почесать языком, что говорится, «за жизнь», худощавый пожилой монах сегодня был непривычно хмур и сосредоточен.

– Каэллах, что случилось? – Ричард приветливо улыбнулся и прикоснулся к плечу шедшего слева от него келаря.

Тот отпрыгнул от Судьи, чуть не врезавшись в стену. Рик посмотрел в бледное лицо, покрытое каплями пота, поймал испуганный взгляд выцветших зелёных глаз, и поджал губы.

– Инквизитор... – прошептал трясущимися губами Каэллах, с трудом накидывая обратно на голову свалившийся при прыжке клубок, – из самого Авенньо! Он прибыл ночью, с севера, и сразу велел вызвать вас, П-палач...

– Успокойся, Каэлли, я не враг вам. Ты же сам учил меня здешним манерам, помнишь? – Рик улыбнулся и умиротворяюще развёл руки в сторону, словно извиняясь. – Зачем он меня вызвал?

– Не знаю, Ричард, – немного успокоившись, келарь приложился к вынутой из широкого пояса тонкой плоской фляжке, – мне не доложили, а уважаемый Элбан покинул аббатство под утро. Без объяснений...

Ричард покачался на каблуках, и тихонько цыкнул зубом. Ситуация становилась всё интереснее и интереснее... Каэллах тихо вздохнул, и кивнул в сторону высоких створок дверей в конце коридора, перед которыми свисали из металлических подвесных ваз плети зелёного выюнка, покачивавшего розовыми колокольчиками цветов:

– Он ждёт. Сам Трайглеттанн Уаллах, из уэльских Уаллахов...

Морган сделал в ответ страшные глаза, показывая, что по-

нял, о чём речь, и спешно перетряхнул память в поисках перекрёстных ссылок. Про Уаллахов там было немало, но, в основном, только хорошее. Крупное семейство с множеством ветвей и родов, линия крови длиною в тысячелетие, если не врут летописцы. Власть, деньги, влияние... и необычайная скрупулёзность в вопросах чести и веры.

Двери бесшумно отворились, уходя в вырезанные в камне полости, и открывая скудно освещённую несколькими лампадами арочную залу. Ричард шагнул в проём, и створки, толкнув его потоком воздуха, сомкнулись за его спиной.

Пересекая полумрак пустого зала, выбитого в сером камне невесть когда, Морган прокручивал в памяти все события с момента своего прибытия сюда, так или иначе затрагивавшие Церковь, и не находил ничего такого, что требовало бы визита столь высокопоставленного лица. Судья привычно встал в серебрящийся на полу круг рассеянного света, испускаемого маленькой глобулой, свисающей с потолка на тонкой цепочке, и замер. Не пользуясь своими способностями, он человеческими глазами пытался вычленил из полумрака хоть какие-то очертания... Где-то там, впереди, ближе к северу, должен быть небольшой столик, за которым обычно сидел секретарь, скрипящий тростниковым стилем. А левее, под бархатным паланкином – кресло-портшез, нелепое, но добавлявшее толику шарма в атмосферу подземелья...

Сейчас Рик не чувствовал ни столика, ни портшеза, ни живых существ.

Тем не менее, кто-то в темноте всё-таки был. Лёгкий шелест ткани, удары сердца – медленные и слегка растянутые. Шуршание кожи по дереву.

Лампады у входа вспыхнули ярким светом, и загорелись небольшие светильники, встроенные в стену, на которой был закреплён старый гобелен.

Портшез действительно отсутствовал, а вот секретарское место наличествовало, и на плетёном креслице, нахохлившись по-птичьи, сидел высокий худощавый служитель Церкви. Одетый в серебристо-изумрудный балахон с откинутым клобуком, он внимательно рассматривал Судью блестящими ярко-зелёными глазами. С пристальным таким интересом...

Ричард поклонился, коснувшись пальцами каменного пола.

Лёгкий кивок в ответ, тонкое движение длинных пальцев, и инквизитор легко поднялся с кресла, сделав несколько шагов навстречу:

– Жизни вам, Судья... Я – инквизитор Трайглеттанн Уаллах, из Авиньона, – прошелестел он, вглядываясь в лицо Моргана. На измождённом лице Уаллаха, со впалыми щеками и почти бескровной ниточкой губ, расцвела улыбка. Рик улыбнулся в ответ. – И я вынужден просить вас об одной... Кхм, услуге...

– Я весь внимание, – дипломатично ответил Морган.

Инквизитор неспешно подошёл к северной стене, очищенной от листвы до голого серого камня, ноздреватого и поблёскивающего влагой. На кладке двумя бронзовыми пиками был закреплён древний гобелен, на котором потемневшими нитями в четыре цвета изображалось событие, от которого отсчитывалось время во всём христианском мире. Распятие. Иисус на гобелене только начал своё превращение, срастаясь плотью и духом с дубовой твердью креста, и копьё Лонгина всё ещё не покинуло сердца. Чёрные небеса, белая плоть, красная кровь – и зелень, пробивающаяся из земли...

Ричард столько раз видел эту сцену, которую мастера высекали в камне барельефов, ткали на гобеленах, и рисовали на картинах. Но никто не рисковал вырезать её в дереве. Говаривали, что ещё в Палестине, вскоре после Воскрешения и огненного вознесения, один плотник попробовал создать такое панно, но превратился в дерево сам, как только его резец наметил контуры креста.

– Судья... Сколько ты пробыл здесь, в обители? – Уаллах перешёл на «ты» совершенно непринуждённо. – И как часто бываешь в этих стенах?

– Пять декад, – Рик прикрыл глаза, вспоминая заполненные сначала дознаниями, а потом и обучением дни. Три часа на сон, ещё три – на физические упражнения в Зелёном зале, пять часов занятий... Потом цикл повторялся, и разры-

вался двухчасовым перерывом. – И каждые четыре декады я посещаю аббата...

Инквизитор кивнул, прикоснувшись пальцами, затянутыми в серебристую ткань, к тяжёлой ткани гобелена. Полотно едва заметно колыхнулось.

– Когда Крестос взошёл на крест, он искупил тем самым наши вековые прегрешения перед природой и Духом Жизни. Сам Цернуннос не смог бы сделать более весомого приношения богам – Рогатого дуб не принимал никогда, сколько тот не пытался... – Уаллах наклонил голову, рассматривая нити, отблёскивающие зеленью и кармином. – Тогда мир изменился в первый раз.

Морган кивнул, пристально глядя в укутанную пятнистым серо-зелёным одеянием спину Трайглеттанна. Он знал эту историю наизусть, и мог продолжить хоть с середины, хоть с конца, хоть задом наперёд... Приготовившись к очередному приступу миссионерского рвения со стороны высокопоставленного посланца Конгрегации, Судья едва не прослушал неприятно щекотнувшие нервы фразы, последовавшие далее.

– Наш мир умер, – Трайглеттанн резко обернулся к Рикку, и блеснул яркими изумрудными огоньками глаз, – и умер давно. За Альпами и Апеннинским хребтом – пустыня, за Аллеманией – чёрные леса, уходящие за горизонт... Скандия закована в лёд, а западный океан глотает корабли, как оголодавший пёс – мясо. Маяки забирают людей, в пустыне

бродят огненные столпы, а зелёные леса Галлии, которые дают нам жизнь, начинают гибнуть.

– Чем я могу помочь вам? – Рик сглотнул, дёрнув кадыком. – Я могу помочь?

– Судья... – Инквизитор сделал два шага к нему, потом к столику с книгами, и медленно опустился в плетёное кресло. – Палач. Когда ты пришёл сюда, дубы священной рощи содрогнулись... И мы подумали, что ты пришёл за нами.

Ричард пожал плечами. Он выбирал этот мир из миллионов и миллионов, повинувшись доставшейся в наследство от человека интуицией и тягой к новому, и ничем более. Голая целесообразность поступков, прямое взаимодействие с судьбой, и вынесение приговоров сжигало его человечность, но это казалось несущественным. Избавить мир от зла, его носителей и эффекторов – только эта необходимость вела его сюда, под сень дуба. Сюда, в туманный край Лондресса... И, возможно, за край мира.

«А, может, просто стоит уйти? Подбросить монетку-шанс, поймать, и вспомнить, что ничего не загадывал. И продолжить путь в вечную ночь...»

Нет, это недостойно меня», – Рик встретился взглядом с глазами инквизитора, которые тревожно мерцали зелёными отблесками, и понял, что не откажет.

– Но сейчас наши видоки смогли преодолеть туман вероятности, и прозреть, – Уаллах медленно развёл руки. – Равновесие нарушено. Система противовесов и связей, соеди-

нявшая сущее, распадается. Впереди – только Тьма... Но если ввести несколько переменных в расчёты, судьба мира меняется.

Судья нахмурился, услышав про переменные. Собственно, он давно подозревал, что олицетворяет собой функцию. Функцию воздаяния. Но кто является остальными факториалами? Пространство принятия решений было по-прежнему глухо, и не отвечало на запросы... Вывод сделать не удавалось...

– Нам нужно найти вторую функцию, пришедшую одновременно с вами, Судья. Найти и убедить сотрудничать с Инквизицией и Папской Дубравой, – Трайглеттанн слегка улыбнулся. – Тогда можно будет сказать что-то конкретное о течении процесса и воздействии на него...

– Откуда мне начинать? – Рик, проклиная духовную слепоту, обрушивавшуюся на него при каждом визите в аббатство, кивнул инквизитору. – Что искать?

– Скорее, кого. Прежде чем начать поиски факториала, нам нужно устранить давно мешающее нам влияние, – Уаллах поморщился, – здесь, в пределах Лондресса.

Теперь уже скривился Ричард:

– Опять подонки? Я уже близок к выходу на их управителей...

– Нет. Эти отбросы предсказуемы и не представляют опасности для нас, – инквизитор почти незаметным движением достал из складок своего одеяния белый колокольчик стран-

ной конструкции, и несколько раз его встряхнул. По ушам Судьи словно провели мягкой метёлкой,. – Есть и другие очень неприятные и... неуместные в мире сущности.

Рику порядком поднадоели словесные кружева и хождения вокруг да около. Он спросил прямо:

– Кого нужно... устранить?

– Местные жители зовут его «Джек-из-Тени». Либо прямо – «Душегубец». Один из наших агентов, выживший после встречи с ним, выразился более метко: «Джек-Потребитель»... Это существо появляется в городе уже третий год подряд, каждое лето, и раз в декаду оставляет от своих жертв только тело, лишённое души и духа.

– Сколько он прожил после той встречи? – Тихо уточнил Рик, верхним чутьём предвидя огромный пакет информации, готовящийся свалиться на него сразу, как только он покинет стены аббатства. В бытии Судьёй были и свои отрицательные стороны... – Как именно погиб?

– Он жив до сих пор, – Уаллах улыбнулся, от чего его лицо неприятно напомнило обтянутый кожей череп, – и сейчас вы с ним познакомитесь. Матиус Лонгин будет сопровождать вас, и помогать в, э-э-э, устранении Джека.

Створки дверей бесшумно разошлись, впустив в залу монаха. Ричард машинально отметил, что он одет в одноцветную тускло-зелёную рясу, и передвигается немного неровно, словно тяжело раненый и не до конца излечившийся во-

ин, которому рассекли несколько крупных мышц. Высокий рост, хромота, характерное для большинства последователей Круга суховатое телосложение... и полное отсутствие этого человека в мире. Ослабленные давлением аббатства органы чувств Судьи, тем не менее, могли воспринимать вневещную информацию от людей поблизости – аура инквизитора, например, если сосредоточиться, отсвечивала изумрудом и серебром, и занимала едва ли не полкомнаты. Вошедший же воспринимался только биологическими глазами, словно был лишён присущей всем живым существам энергетики.

«Великолепно! Неужели Церковь решила побаловаться, наконец, некромантией? – задумался Ричард, продолжая внимательно изучать спокойно шагающего монаха, направляющегося к креслу инквизитора Уаллаха. – Но, кажется, это последствия ранения. Надеюсь, этот субчик не будет вести себя как зомби...»

Матиус остановился в двух шагах от Трайглеттанна, и медленно поднял руки, откидывая балахон с лица. Тонкие аристократичные черты несколько портил длинноватый нос, когда-то сломанный, и чересчур узкие губы. Карие глаза, наоборот, смотрели на Ричарда с лёгким укором и смирением, за которым пряталось хорошо сокрытое чувство юмора и себялюбия. Коротко подстриженные светло-русые волосы местами тронула седина почти незаметная, но иногда отблёскивающая инеем в неверном свете...

Морган оторопел от обжигающего душу изнутри чувства узнавания. На него смотрел Мэт Логан... То есть, конечно, это был двойник Кардинала, когда-то и где-то выступившего на стороне Рика Моргана-человека и его команды. Отвергнутые воспоминания стучались в виски, наполняя голову смутным гулом, дыхание сбилось, сердце кольнуло иголкой...

«Нет. Нет! – Ричард почувствовал, как лоб покрывается испариной, и поймал заинтересованный взгляд инквизитора, который внимательно следил за ним. – Не может быть... Нет. Это – двойник, всего лишь двойник. Не тот Логан, который спасал задницы экипажу «Астарты»...

– Добрый день, мессир Судья, – хорошо поставленным, но чуть глуховатым голосом произнёс приветствие молодой монах. – Я – Матиус Лонгин, ваш помощник и напарник на ближайшие несколько месяцев.

Глава 3. От удачи до пропасти

*Halle, halle,
We're one breath away
Halle, halle,
From our judgement day.
You leave it all on the table.
If you lose or you win
You've got to learn to love the world you're living in.*

Bon Jovi – Learn to Love

11 августа 2278 года

Он неспешно прохаживался вдоль уцелевших гравиподставок с замороженными осуждёнными, меряя шагами пространство от стены к стене. Освещение работало с перебоями, и теперь в рваной картине разрушений то и дело мелькал высокий силуэт мужчины в тяжёлой броне.

Внешние сегменты, выполненные в виде чешуи крупной рептилии, то и дело пощёлкивали при ходьбе, сообщая об отключённом контуре силового поля. По чешуе брони изредка пробегали разноцветные энергетические всполохи, высвечивая очертания человека, бродящего между разрушенными баками восстановительного размораживания.

– Раз, два, три, четыре, пять, я иду вас убивать... – вкрадчивым шёпотом то и дело повторял мужчина, внимательно заглядывая в самые отдалённые углы помещения. – Кто не спрятался – будет карбонат...

Он неуловимым жестом выбросил вперёд левую руку, посылая мысленный сигнал броне, и чешуйки на предплечье тут же сформировали короткий сверкающий во всполохах аварийного освещения клинок. Сделав пару пробных взмахов, мужчина резанул лезвием по останкам пульта управления разгрузкой на нижнем уровне, где находились криопомещения.

Кусок высокопрочного пластика бесшумно отделился от панели, упав вниз. Безупречно ровный срез с металлическими нитями каркаса тускло блеснул под ногами чешуйчатого солдата.

Ханна уже полчаса наблюдала за действиями этого странного человека из крошечной ниши технического жёлоба, служившего ей укрытием. Форменную куртку, способную, в случае чего, хоть немного защитить женщину от рассеянного пучка энергии или радиации, она сбросила, чтобы протиснуться между сплетениями энергопроводов и кабелей питания, толстыми цветными венами свисавшими сверху вниз. Судья Шойц боялась пошевелиться и даже глубоко и часто дышать.

Когда сквозь пропускную мембрану в помещение ввалился отряд напавших на здание суда, она не успела вовремя ретироваться прочь, даже не предполагая, что целью противника может служить криопомещение.

Генераторы силового поля над зданием и посадочным полем рядом разнесло в первые несколько секунд атаки. Точ-

ные импульсы с орбиты планеты превратили основные источники энергии полей и систем коммуникации в горстку выжженной земли или зияющие в корпусе здания дыры.

Можно было, конечно, запитать запасные генераторы от оказавшихся на посадочном поле грузовиков, совсем недавно притащивших на планету новые партии «отморозков», но здесь было целых две проблемы: во-первых, запасные генераторы тоже были уничтожены, и, во-вторых, корабли вместе со всей командой и грузом, не успевшим оказаться в криопомещении суда, тоже обратились в дымящиеся обломки.

Посадочное поле украшали разбросанные тут и там, будто сломанные куклы, тела погибших и раненых, а по ровному покрытию площадок алыми кляксами блестели пятна крови.

Немногочисленный отряд охраны пытался оказать некое сопротивление, но и его в конце концов, просто смяла высадившаяся сразу с четырёх точек группа десантников в странной чешуйчатой броне, напомнившей Ханне людей-богомолов из шестого отряда.

Существенным отличием от уже знакомых полуразумных, как считалось среди людей, солдат шестого отряда было то, что тяжёлая амуниция прибывших на планету скрывала под собой весьма подготовленных солдат, отлично владеющих не только своими инстинктами, но и сохраняющими холодный рассудок.

В самом начале заварушки, когда первая ударная волна

прошла от крыши до фундамента здания суда, отдаваясь во всём теле вибрацией, Ханна ещё пыталась связаться через систему управления с постоянными отрядами МАСК, патрулирующими периметр подконтрольной территории. Но канал забивали сплошные помехи, и вероятные помощники даже не слышали сигнала. Орбитальные базы не имели достаточного вооружения или пилотируемых средств защиты и подавления, необходимых для высадки на планету. Да и личного состава на этих базах сроду не водилось больше, чем необходимое для выполнения ежедневных работ.

Спасения не предвиделось.

Никто даже предположить не мог, что Эклектика когда-нибудь понадобится хоть кому-то, рискнувшему появиться в этом секторе космоса. Полностью отданная под самые смелые и негуманные исследования нанотехнологий, биоинженерии и ДНК-трансмиссии, Эклектика давно превратилась в сочетание целых городов-тюрем для самых мерзких жителей обитаемого космоса и галактическую лабораторию. Вялотекущие планетарные стычки с разрозненными кучками повстанцев, карательные миссии или контроль за объектами заключения не предполагали наличия на планете или её орбите полноценных военных подразделений, укомплектованных хорошими специалистами из числа людей. Техносеть, контролирующая автоматику и информационные центры, так же отвечала и за вооружённые посты охраны в местах заключений, системах контроля и пропуск-

ных распознавателей в главных зданиях.

Эклектика традиционно считалась планетой военных разработок, обкатываемых в полевых условиях с привлечением населения. Население привлекалось по доброй и не очень воле, то и дело попадаясь под руку то беглым заключённым, то отрядам судей, то ленивым МАСКировщикам.

Ханна прикрыла глаза, стараясь как можно тише поменять положение тела в узком пространстве вертикального технического жёлоба. Толстые и тонкие кабели разноцветными макаронами безмолвно свисали перед лицом, опутывая женщину.

– Док, мы нашли капитана, – раздался совсем рядом с Ханной низкий женский голос, и тут же мимо укрытия судьи прогремыхали тяжёлые шаги. – Но есть проблема...

– Решаемая? – обратился к своей подчинённой Док, замерший на месте и втянувший острый клинок обратно в броню. – Где Молчун и Шут?

– Как раз и решают проблему, – хрипло усмехнулась женщина. – В программу реабилитации капитана вмешался неопределённый фактор...

Ханна услышала приглушённый смешок Дока.

– Там что-то серьёзное, Рысь?

– Кэп не реагирует на вводимый код отмены и пробуждения. Шут сказал, что система контроля тоже не может справиться с этой странностью. Ну... – Рысь немного помялась, – не могла бы справиться, если бы уцелела после нападения.

В общем, они делают всё, что могут. Но они ничего не могут. И если мы через десять минут не уберёмся прочь отсюда, глушилки сгорят, и нам на головы высыплются несколько отрядов в масках.

– МАСК и его маски-шоу, – протянул Док. – Ладно, иди к ребятам, я буду через полминуты.

Женщина, которую Док назвал Рысью, развернулась и быстро зашагала вглубь криопомещения, а предводитель отряда метнулся напрямиком к техническому жёлобу.

– Думала, я тебя не вижу? – мигом выдирая судью из сплетения кабелей, шепнул ей в ухо Док. Прыжок к её укрытию стал для Ханны такой неожиданностью, что та не сразу нашлась, что ответить. Она лишь взглянула в лицо крепко сжимавшему её противнику, кожей ощущая холод, исходящий от чешуйчатого сегментарного бронекостюма. Док приподнял судью над полом на несколько дюймов, сжимая за горло. Ханна захрипела, пытаясь разжать стальную хватку, но не смогла. Свободной рукой главарь бандитов отключил прозрачный шлем и взглянул на судью льдисто-голубыми глазами. Шойц могла поклясться, будто на радужке глаз этого коротко стриженного светловолосого мужчины плавали, покачиваясь, крошечные льдинки. По спине Ханны побежала струйка липкого холодного пота.

Будто опомнившись, Док поставил задыхающуюся судью на ноги и сказал:

– Слышала, у нас проблемы. Отключи блокировку кода

пробуждения, и я сохранию тебе жизнь.

Судья Шойц согласно кивнула.

Док поволок её к дальнему стеллажу гравиносилок, где уже стояли трое из его отряда, среди которых была и женщина с грубым прокуренным голосом. Двое мужчин, один пониже другого, как раз копошились в развороченной и вскрытой панели управления, стараясь обойти систему контроля, хотя та и так уже не функционировала.

– Данные... – просипела Ханна, когда Док молча кивнул ей на замороженного. – Исходные данные?

Судья старалась не думать, что будет делать дальше, ибо даже понятия не имела, какая такая проблема может помешать вводу кода отмены. Впрочем, откуда эти люди вообще взяли коды, она точно так же не желала думать.

«Значит, они пришли за конкретным человеком, точно зная, когда, где и в какой степени криосна тот будет находиться в здании суда, – подумала она, вглядываясь в экран над головой заключённого. – Не стерпели поимки своего капитана, вот и пришли за ним. Если я достаточно потяну время, у меня есть шанс дождаться перегруппировки оставшихся или выживших охранников, орбитальных конвоев или хоть перезапуска системы контроля, которая уже наверняка отправила сигнал на сбор тому же шестому отряду».

– Молчун, мы можем просто забрать его так? – спросила Рысь у высокого плечистого мужчины с короткими чёрными волосами, стоящего спиной к Ханне.

Тот, не оборачиваясь, лишь отрицательно покачал головой на толстой шее, прикрытой чешуйками брони.

– Док, – вмешался коротышка с кучей светлых косичек, рассыпавшихся по плечам, – тут такое дело... – он бросил быстрый взгляд на Молчуна, – мы восстановили некоторые контуры системы контроля, но она просто не видит проблемы в программе капитана. А забрать его просто так мы не можем, иначе на нашем корабле разморозится кусок идиота.

– Кусок идиота? – приподнял светлую бровь Док. – Да он и так-то мозгами не отличался...

Весь отряд заулыбался, но тут же снова посерьёзnel, тревожно поглядывая на экран с данными на панели личного контроля заключённого.

– Отмени коды системы защиты, – Док подтащил Ханну поближе к гравиносилкам. Судья Шойц сдвинула брови, делая вид, будто что-то понимает в стремительно меняющихся строчках данных на голографическом дисплее.

Марк смотрел, как ночное небо над городом заполняется сотнями разноцветных всполохов, яркими искрами чертящих посадочные курсы к поверхности планеты. Тут и там появлялись всё новые и новые разрывы тёмного бархата, из которых выныривали корабли, устремляющиеся вниз. Некоторые искры зависали на орбите, мерцая, как крупные звёзды.

Романов вспоминал обрывки своего прошлого, лоскут-

ным одеялом картинок мелькавшие сейчас перед внутренним взором.

– О чём задумался, сэр Хьер? – хрипло просипел Реверс, проследив взгляд Марка в ночное небо. – Думаешь свалить отсюда на одной из этих машинок? – он тихо засмеялся, но тут же закашлялся и замолчал.

Марк отрицательно покачал головой.

– Думаю о своём прошлом, – тихо сказал он, закладывая руки за голову и продолжая любоваться всполохами на небесах, где одна группка ярких звёздочек встретилась с другой, выходя на расстояние удара. – Наверное, так бы оно выглядело с Земли тогда...

– Ты про ту свою жизнь, о которой рассказывал? Это когда ты богом стал, что ли?

Романов поморщился, будто съел кислый лимон.

– Я думал о том, как это всё должно было бы выглядеть для жителей планеты в те дни. Видел ли кто-то эту смертельную красоту. Вряд ли, конечно, – Марк вздохнул, продолжая смотреть за начавшимся космическим сражением. – В моём времени людям было не до того, чтобы поднимать глаза к небу. Самые религиозные, наверное, бросали последние взгляды вверх, а вот остальные точно озаботились спасением своей шкуры.

Романов пошевелился, меняя положение тела на более удобное.

– Знаешь, – сказал Реверс задумчиво, – для красоты все-

гда найдётся и место, и время, и момент. Уж поверь мне, старому кочевнику, который ни один раз был среди того дерьма, которое называется полной задницей.

Марк хмыкнул, предпочитая не комментировать слова капитана о таких интимных подробностях жизни.

– Знаешь, как красиво горят корабли в безвоздушном пространстве? – глухо спросил Марк у Реверса. – Как в полной тишине вакуума космоса, где нет воздуха, чтобы слышать звук, бесшумно вспыхивают хрупкие хранилища кислорода и жизни на борту огромного неповоротливого линкора или крейсера? А потом корабль разваливается на части, и они начинают своё бесконечное блуждание по вечному хаосу галактики, дрейфуя прочь, покачиваясь по инерции. А среди обломков и мусора видны замороженные искалеченные тела команды.

– Нет, – спокойно отозвался Реверс, – я не знаю этого, да и вряд ли узнаю.

Романов почувствовал в словах капитана плохо скрываемую горечь и обиду. В следующий момент Реверс примостился рядом с Марком, тяжело дыша и едва слышно шевеля ногами в высоких ботинках с оплавленными подошвами.

– В интересное место мы с тобой попали после той воронки, да? – хмыкнув, спросил капитан. – Пожары на улицах, правда, подпортили мне обувь, – он шевельнулся, неодобрительно скривившись, – зато, если бы не та макака с бутылкой зажигательной смеси, мы до сих пор бы спокойно ехали

на берег. На самом деле, сэр Хьер, скажу тебе честно: я надеялся, что моя команда достанет меня даже с того, то есть, с этого света. Но меня вытащил ты. И вот вопрос: нахрена?

– Потому что не мог оставить, – просто ответил Марк. – А почему ты думал, что тебя отсюда достанут? Я даже не совсем помню, где мы, кто и зачем.

– Знаешь, – Реверс тяжело вздохнул, – я никогда не строил иллюзий по поводу того, кто я есть. Я спокойно могу достать потроха любого, кто мне насолил, и бросить их летучим рысям, но вот в команде своей я уверен. Да, была у меня команда, – с тоской в голосе протянул он, – только мне мозги заморозили, как и тебе, и вот сидим мы тут в иллюзорной реальности. Два старых, никому не нужных чудака, не верящих в иллюзии. Вот и надеялся, что и отсюда вытащат до того, как мой мозг окончательно в кашу превратится. Я же помню и суд, и приговор, и наказание за пиратство, отягчённое парочкой убийств. Но я-то ладно, мне недолго осталось. А вот ты тут что делать будешь? У тебя кто есть, чтобы вытащить отсюда? Неужели, так и будешь ждать, пока каша в черепе устаканится?

Марк промолчал. Он до сих пор так и не понял, ни как попал в горящий город, рухнув на берег капитана прямо на центральную улицу, ни как сумел вывести Реверса и его корабль, ни что вообще происходит вокруг.

– Вот так я и живу, от удачи до пропасти, – неожиданно философски закончил капитан. Романов почувствовал нелад-

ное, приподнялся и всмотрелся в лицо собеседника. Тёмная одежда Реверса казалась ещё более тёмной на фоне светлых песков пустыни.

– Ну да, – пожал плечами капитан, словно прочёл мысли Марка, – я умираю. Иначе с чего бы меня потянуло на философию? Ты сделал всё, что мог, сэр Хьер, просто я поставил не на тот цвет. Всегда выбирал чёрное, а выпало, вот, красное...

Романов провёл ладонью по груди капитана и тут же почувствовал липкую горячую жидкость под пальцами. Яркая вспышка на небе прямо над головами высветила красные следы на ладони бывшего полковника.

– Выиграло красное, делайте ваши ставки, дамы и господа, – с кривой усмешкой произнёс Реверс, бросив усталый взгляд на руку Романова, который так и смотрел на свои пальцы в тупом изумлении. – Извини, сэр Хьер, так вышло.

– Меня Марком зовут. Марк Александрович Романов, – глухим голосом представился бывший полковник. Романов с трудом подавил желание скрипнуть зубами. Все, кто оказывался рядом с ним, гибли. Маттершанц, его люди в прошлой жизни, теперь, вот, и капитан Александр... Он чувствовал себя каким-то проклятым. По сути, так оно и было, если услужливая память не лгала ему о наказании Светлых, но не добрых. Он помнил всё, приходил в последний час и никогда не мог ничего изменить.

– Ну, меня ты уже знаешь, – в ответ произнёс капитан,

протягивая руку. Марк не задумываясь пожал широкую ладонь капитана, выпачкав её его же кровью.

– Ну и что теперь? – глупо спросил Марк, снова вглядываясь в небесные картины далёкого боя.

– Будем смотреть дальше, – пожал плечами Реверс. – Разве у нас, проклятых, есть выбор? – словно прочитал его мысли Александр.

«Выбор есть всегда, – вспомнились Марку чьи-то слова, – просто ты сделал его неправильно».

– Сделай что-нибудь! – низенький подручный Дока буквально подпрыгнул на месте, едва не свалив Ханну с ног. – Он же умирает в этой твоей иллюзорной реальности!

Судья Шойц смотрела на проекционный визор, на котором отображались фрагменты прокручиваемой в сознании заключённого программы, подобранной специально для него, с учётом психических и психологических особенностей, возможных травм, страхов и слабых мест.

– Посторонний человек не может входить в программу, – сдавленно выдала Ханна, продолжая всматриваться в лицо Романова на экране визора. – Этого просто не может быть. Система выстраивает опорные точки для сознания, исходя из накопленных воспоминаний, знакомств осуждённого и его привязанностей, как и антипатий.

– Шут, Рысь, найдите среди этих ледышек этого сюрприза, – распорядился глава отряда. – Если он сидит в башке

нашего капитана, значит, он должен был туда попасть через программу перевоспитания.

Подручных Дока словно ветром сдуло.

Марк очнулся от нестерпимого яркого света, от которого по вискам и за уши тут же покатались крупные слёзы, а глаза защипало, словно в них плеснули мыльным раствором.

Звуки вернулись нестерпимой мешаниной из высоких и низких частот, громкость то и дело прыгала от максимума до минимума, изредка погружая Романова в неестественную тишину.

Свет постепенно начал меркнуть, и полковник уже мог кое-как разглядеть склонившегося над ним человека.

Он бы точно пробил головой купол прозрачной капсулы, в которой находился, если бы мог достаточно быстро двигаться. Если бы он вообще мог двигаться, а не просто беспомощно валяться на тёплой подстилке в коконе из стеклопластика. Сквозь тонкую, но непробиваемую преграду капсулы на него смотрело то самое существо, что привиделось ему в кошмаре.

Романов сделал невероятное усилие и моргнул. Видение пропало, оставив только смутный след невнятных воспоминаний о чём-то важном... о чём-то цветном и...

В этот момент пришла боль. Судорога прокатилась по всему телу, заставив выгнуться и заскрести пальцами по гладкому корпусу капсулы. Раздался ненавистный писк приборов,

свет начал мигать, звуки и шумы смешались с этим писком, а кто-то в тёмной форме быстро засуетился рядом.

Романов изо всех сил пытался удержать в памяти хоть что-то из того, что привиделось ему недавно, но мысли и образы утекали из памяти, как песок сквозь пальцы, или как душа сквозь тонкую воронку в голодную бездну.

И голос ещё живого Маттершанца, отдаваясь и затихая, всё шептал ему и шептал:

– Ты всё забудешь, всё забудешь, всё забудешь...

– Док, нам хана, – ёмко высказался Шут, печально накрыв голову кастрюлькой для наглядности. – Ещё два прямых попадания, и силовое поле не выдержит. В общем, два раза и мы импотенты.

– Сколько до точки перехода? – не сбавляя шага к рубке, осведомился Док. – Что там с этой судьёй, как её, Шойц? И нашим капитаном? Да и вообще, какого хрена происходит на этом корыте?

– Ну, нас немного обстреливают, мы драпаем, кэп в холодильнике, ещё один трупак рядом, баба на корабле, несчастье следует по пятам... – скороговоркой выдал Шут, в дурашливой манере прыгая с кастрюлькой на голове. – Всё по плану, несёмся к точке прыжка на всех парах.

– Урр-мяу-мяууу! – раздалось снизу, и на закованные в суровую броню плечи Дока прыгнул огромный котиче с огненно-красной шерстью и рыжим мехом на животе. – Мья-

яууу! – неодобрительно выдало животное, стараясь не свалиться со скользких пластинок чешуи.

– Кетчуп, ну ты тут откуда? – притворно удивился Шут, пытаясь отодрать кота от плеч Дока. – Вредное животное, почему без скафандра? А ну как нам в зад засадят, а ты не готов?

Док даже с шага сбился при таких словах Шута. Он как-то по-особенному посмотрел на белобрысого техника, на кота в его руках, на переборки корабля... весь вид Дока выражал только искреннее недоумение от факта, что он явно что-то пропустил среди событий на этом корабле.

– Хм-м-м... – многозначительно промычал Док, продолжив движение. В этот момент по корпусу корабля прошла дрожь, взвыли аварийные сирены, Кетчуп и система безопасности.

Коридор наполнился тошнотворно мигающим красноватым свечением, и неприятный голос сообщил из встроенных динамиков по общей связи:

– Команде рекомендуется сваливать нахрен, скоро меня накроет медным сердечником и всем придёт Шрёдингер.

– Это звездац, – горько сказал Шут, открывая специальный карман для Кетчупа в своей броне. Кот мигом скользнул в спасительное отверстие, наградив напоследок людей многозначительным мявком и уничижительным взглядом огромных жёлтых глаз.

– Док, до точки прыжка остаётся две минуты! – доложи-

ла Рысь, появившись из бокового коридора. – Коммы вырубались, – добавила она, заметив попытки Дока связаться с корабельным искином. – Так что, наш Шут не столь уж и неправ, – многозначительно косясь на кастрюльку на голове бортинженера, протянула она. – Символично так...

– Всю энергию на щиты, огонь не открывать, держаться курса к точке перехода, – отрывисто распорядился Док.

– Да Менделеева мне в таблицу, если я после этого рейса смогу хотя бы писать прямо! – наполнилась рубка возмущённым голосом искина. – Энергии больше нет, я увольняюсь!

В рубку вошёл Молчун, всем своим видом олицетворяя похоронный марш, скорбь и удовольствие от причастности к моменту конца.

Внезапно корабль тряхнуло, словно корпус захватило мощным тяговым лучом. В линии связи раздался протяжный хрип, перешедший в тонкий голос, вещавший монотонно и тягуче:

– «Александрйская Рулетка», приготовится к гравимагнитному захвату и стыковке с корпусом рейдера. Повторяю, стыковка с корпусом рейдера «Искандер» через три... две... одну секунду.

«Рулетку» еще раз тряхнуло, и двигатели взвыли, борясь с неожиданно возникшими векторами тяготения массивного объекта рядом. Искин, выматерившись, отключил их, и корабль затих в захватах неизвестного никому из присутствующих рейдера.

– «Искандер» вызывает «Рулетку», – продолжил тот же голос. – Переход в гиперпространство через пять секунд.

– Ребят, вы достали, – устало выдохнул Док, усаживаясь в капитанское кресло. – До точки перехода еще... – он осёкся, почувствовав, что они уже вошли в гиперканал. – Рановато как-то, – непонимающе пробормотал он, сверяясь с показаниями приборов.

– Мы наступили в гумно, Док, – изрёк в наступившей тишине искин корабля. – Кому салфетку?

– Не хочу добавлять в дерьмо дрожжей, – осторожно начал Шут, – но судя по курсу, мы не просто провалились в космический сортир там, где его не было, пристыкованные к неизвестной посудине размером с крейсер, но еще и движемся к Марсу. Прямиком к МАСК и всему пакету удовольствий.

– Мя-я-я-яу-у! – послышалось из приоткрытого кармана брони Шута.

Двадцать Шестой вытащил обратно свою металлическую голову из портала с временным и пространственным смещением. Плоскость тут же пошла едва заметными рябыми всполохами, которые начали потрескивать от пробегающих по ткани портала искорок.

«Прости, Макс, но мне срочно нужен ремонт, пока тут не началось что-то страшное», – подумал Двадцать Шестой, быстро удаляясь прочь, на поиски бригадира.

Глава 4. Лондресс. Судья и монах

*Exorcizamus te, omnis immundus spiritus, omnis
satanica potestas, omnis incurtio infernalis*

*Adversarii, omnis legio, omnis congregatio et secta
diabolica, in nomine et virtute Domini Nostri
Обряд экзорцизма, Rituale Romanum.*

4.1. В поисках Джека Душегуба. Размышления Судьи

Аббатство Рик покинул в странном настроении – казалось, что мир подёрнулся тусклой плёнкой, скрадывавшей эмоции и энергии окружающих людей, но, вместе с тем, восприятие стало чище и ярче в других аспектах. Буйство цветов, невидимых обычными глазами, утихло, но стали различимы более тонкие их оттенки, говорящие о вариациях и нюансах настроения и чувств.

Пространство принятия решений, в которое Судья проваливался раньше едва ли не на каждом углу, встречая морально-этический конфликт, или противоречие своему внутреннему кодексу, тоже отстранилось, и это позволяло оставаться чуть более человеком, чем ранее.

Он кликнул кэб, и взобрался в покачивающуюся на мяг-

ких рессорах коляску, влекомую, для разнообразия, лоша-
дью. Возница принял монетку вместе с краткими указания-
ми: «К докам. Северный въезд, Третий мост», щёлкнул пле-
тёным кнутом над ушами каурой кобылы, задав спокойный
темп. Как раз такой, чтобы не спешить, но и позволить пас-
сажиру насладиться мыслями и панорамой вдосталь.

Морган вдохнул вечерний воздух, щедро сдобренный ту-
маном и смогом, чихнул, и поднял воротник своего плаща,
понемногу обраставшего короткой, но очень тёплой шёрст-
кой. Ему как раз немного хотелось подумать – о мирах, вре-
менах, и превратностях судеб, допуская наличие двой-
ников известных ему людей. «В самом деле, – сказал он сам
себе, – почему бы здесь не быть близнеца старого боцмана,
или, в качестве бреда, и самого капитана Моргана? Мэт Ло-
ган же нашёлся... Хоть он не совсем Мэт, очень не Логан,
и уж точно не Кардинал, за неимением их в здешней табле-
ли о церковных рангах... Но почему именно здесь и сейчас?
Что за этим кроется? И кто такой, чёрт возьми, этот Джек-
Потребитель?»

Память услужливо подсунула ему целый ворох легенд
и историй из ближайших миров, включая Землю и её мно-
гочисленные отражения. В каждой истории этот зловещий
персонаж являл себя по-разному – в одном мире он убивал
только проституток, демонстрируя высокий уровень владе-
ния мастерством хирурга, в другом – вешал торговцев раба-
ми, словно профессиональный заплечных дел мастер. Он по-

являлся во временных отрезках, аналогичных XIX-му веку Земли, и резал, жёг, давил, вешал, пил кровь, вырезал глаза, выгрызал глотки и выедал печень деклассантов и представителей низших кругов, с редкостной педантичностью и истинно английской пунктуальностью. Впрочем, иногда он замахивался и на аристократию или средний класс, но никогда – почти никогда – не был пойман. Даже убив короля в одном из миров, во время прогулки Его Величества, а-ля Гарун Аль-Рашид, по низкопробным пабам и домам увеселений тела, Проклятый Джек умудрился избежать наказания...

Он всегда «работал» в лоне Лондона, как бы не звался этот город – Лондра, Лондиний, Плуовониде, Люнденбург... И всегда – по ночам. Сейчас, используя опыт и знания инфосферы многих миров, Рик мог сказать с ужасающей определённой: Джек был порождением воли города. Даже не так... Воли Города с большой буквы «Г». Его органом, придатком, фагоцитом, выполняющим странную миссию по очищению гигантского организма, ставшего живым и обретающего разум. Рано или поздно, когда Лондон понимал, что его инструмент неэффективен, тот исчезал во тьме, оставив страшный кровавый след в памяти поколений горожан, и едкий флёр тайны и смерти – в пространстве принятия решений мира.

Здесьшний Душегуб отличался от тензора развития Лондресса – по всем законам, он должен был применять либо насилие механистичное, при помощи инструментов врача,

инженера, или, на худой конец, плотника, сварщика... Либо обращать на своих жертв силы Природы, если Город, пробудившись, избрал в качестве опорного тезиса догмы Церкви Христа-Духа Жизни... Интуиция Судьи вопила: «Здесь что-то не так!», и Ричард был склонен к ней прислушаться. Отнимать душу, питая себя и, возможно, Город – это отдавало страшным отклонением вероятности, которое могло привести к очень и очень неприятным последствиям. Нет, не к гибели мира. Для того одного Города и одного Джека явно недостаточно, будь они даже в тысячу раз сильнее и активнее. Ноосфера, если она исправна, способна нивелировать и не такие возмущения... «Если она в порядке, ноосфера мира, – подумал Морган, вглядываясь в рыжий отблеск огней газовых фонарей, и смахивая с ресниц оседающую влагу холодного тумана. – А если нет? Если причина кроется в этом? Мир слишком слаб, и та болезнь, что раньше проходила без следа за несколько лет, сейчас его убивает? Даже чума, как и почти во всех мирах, разразившаяся в Лондрессе в семнадцатом веке, не причинила такого ущерба, как, например, на Земле. Несколько сотен умерших, пять тысяч больных, и Поход Очищения Инквизиции, силой Духа Жизни уничтоживших чуму и крыс... Да так, что потом в этой местности даже оспой не болели, не говоря уж про холеру».

4.2. В таверне у Джонни

Когда идёшь по переходам и помещениям своего старого, много повидавшего и пережившего корабля, то почти всегда ощущаешь дыхание истории, чей странный сладко-солёный ветер будит и оживляет воспоминания... А потрескивания и тихие, едва слышные щелчки бортовой автоматики, сопровождающие каждый миг бытия огромного металлокерамического тела рейдера, только добавляют таинственности.

Капитан остановился перед третьим грузовым шлюзом, прикоснувшись ладонью к холодному металлу переборки, и долго стоял, прикрыв веки – словно хотел услышать что-то, доносящееся из глубин времени и пространства, да, может, никогда и не звучавшее. Где-то повизгивали сервоприводы систем подачи воздуха и ныли трубопроводы, перегонявшие под высоким давлением многочисленные жидкости и газы, тихо звенели электромагнитные затворы реактора, попискивала тонкая мехатроника исполнительных систем и басовито гудели, словно стая разозлённых шершней-невидимок с пятой Гаммы Козерога, маршевые двигатели.

Он слышал сейчас весь корабль, все двести пятьдесят метров «стали и натиска», «Stahl und Angriff», как образно выражался Пауль Кюхессер, капитан «Тюрингии», с которым было когда-то выпито немало шнапса и тёмного пива...

Корабль жил. Пока ещё жил.

Как долго оставалось той жизни?

Ричард открыл глаза, и несколько мгновений изучал низкий бревенчатый потолок, потемневший от времени. Внутри сознания утихал вихрь паники, и сердце успокаивалось, медленно снижая темп сокращений. Сон выглядел непривычно ярким и живым. Ощущение палубы «Астарты» под ногами, вкус рециркулированного корабельного воздуха, наполненного тонкими оттенками металла, пластика и озона, звуки оборудования – всё это казалось таким жизненным, реальным и настоящим... Он даже подумал, что снова оказался там, на рейдере, в мире, пережившем катастрофу Строителя. И успел испугаться.

Судьба не зря забросила его, ставшего Судьёй, в реальность Лондресса. Он был нужен здесь, сейчас – чтобы помочь этому несчастному миру выжить. Вернуться назад, в Протекторат, где уже существовал один Ричард Морган – это означало даже не поражение, но много хуже. Это была бы ошибка. Из тех, которые не прощают. Ни самим себе, ни другим.

Морган сделал глубокий вдох, и прислушался к ощущениям. Судя по всему, он находился в маленькой комнатушке на втором этаже таверны Джонни, над хозяйственными пристройками и кухней. Голова не болела, тело слушалось Судью идеально – у таких, как он, не бывает похмелья... Даже если отключить нейтрализацию алкоголя, максимум, что

произойдёт – лёгкая спутанность мыслей и дезориентация на утро после возлияния.

А выпито вчера было немало. «Вот же дёрнул чёрт набраться, туды его в качель, – подумал Рик, тасуя помятую колоду своей человеческой памяти, и вспоминая Кацмана. К памяти Судьи он предпочёл не обращаться – там-то всё хранилось в полном порядке, упорядоченно и холодно, от первой капли и до последней песни, но... Это было бы неправильно. – И зачем я согласился с Джонни, который, зараза, наливал „для дегустации“ бокал за бокалом?»

В дверь коротко постучали. Рик встал с массивной кровати, и критически осмотрел себя. Одежда была почти в полном порядке, только пояс слегка сбился в сторону. «Сапоги снимать надо перед сном, – подумал Морган, поправляя пояс. – Тоже мне, высшая сила...»

– Войдите! – сказал он.

Дверь со скрипом отворилась, и в комнату заглянул бледный, как смерть, Лонгин. Вчерашние возлияния не прошли для него даром, и адская смесь напитков разной крепости и происхождения наградила слугителя Духа Жизни сильной головной болью и прочими прелестями похмельного синдрома.

– Судья, я прошу прощения... – тихо проговорил он, крепко вцепившись в массивную ручку двери. – Хозяин таверны просил нас спуститься к обеду...

– Матиус, как вы себя чувствуете? – Рик покопался в кар-

манах плаща, где, как он помнил, обычно обретался набор первой помощи. – Вот, возьмите.

Морган вытащил из небольшой плоской сумочки плоскую пастилку синего цвета, и протянул Лонгину.

– Что это? – недоверчиво осмотрел лекарство монах. – Это едят?

– Нет, в задницу засовывают... Шучу, шучу, – Рик с раскаянием поглядел на вытянувшееся лицо Лонгина, и добавил. – Положить под язык, и подождать, пока не рассосётся. Головную боль снимет точно, а вот за остальные симптомы не ручаюсь.

– Хорошо, Судья... – вздохнул Матиус, осторожно выполняя предписанное. – Хмм... Штанный вкус...

– Пойдёмте вниз. Джонни, наверное, нас уже заждался, – Рик подхватил Лонгина, увлечённого изучением нового для себя вкуса, под локоть, и аккуратно повёл к лестнице, ведущей вниз, к общей зале.

4.3 Запись из личного дневника Матиуса Лонгина

Так много всего и так мало меня. Так неисчислимо мало осталось от моей души, что нет в этих обрывках места даже толике всеобъемлющих страстей человеческих. Да и души, в общем-то, не осталось.

События теперь кажутся мне калейдоскопом картинок. Столь ярких и невысказанно фантастических, что нет у меня ни сил, ни средств записать, запомнить, сохранить и передать их даже словами или прикосновениями.

Такие странные ночи, сменяющие столь же странные дни...

Моя одежда, к которой я привык, которая была мне родней собственной кожи, стала казаться чужой и незнакомой, едва я открываю глаза поутру. Не могу, не в силах я осознать столь разительных перемен. Алая мантия с глубоким капюшоном, летающие замки и города, миллиарды звёзд, до которых можно дотянуться рукой, и сгореть в их вечном пламени.

Так много всего и так мало меня.

Теперь я часами могу молчать, пристально взглядываясь в лица прохожих, спешащих прочь по своим делам. Они стонут за меня, словно я могу заразить их неизвестной болезнью, передать прикосновением проклятие, коснувшееся меня

не так давно. Да, я остался в живых. Единственный из всех, кто когда-либо видел порождение самой глубокой бездны, но... кто я теперь?

Награждённый немислимыми снами, преследуемый образом алого шёлка одежд, на котором так удобно прятать пятна столь же алой крови...

А в минуты безумия, затмений, как называли их лекари аббатства, мне кажется, что безликий призрак до сих пор наблюдает за мной, взглядываясь в самую суть моей души, которую держит в цепких ледяных пальцах.

Я просыпаюсь от собственного крика. Подушка и простыни мокры от пота и слёз, волосы слиплись на лбу, дыхание с хрипами вырывается из лёгких, горячим воздухом проходя по пересохшей гортани, а по подбородку течёт вязкая гадостная слюна с примесью крови от прокушенного языка.

Немыслимо, невообразимо, непередаваемо...

Я кое-как поднимаюсь на ноги, дрожащими руками нахожу в полной темноте приготовленный заранее стакан воды и жадно выпиваю её, утирая рукавом ночной сорочки губы. Теперь становится почти хорошо, почти спокойно и почти понятно, кто я такой и почему оказался здесь. Словно бог касается меня лозой, обращая в дерево, давая мне раз и навсегда тот единственный смысл существования, о котором каждый мечтает и грезит с рождения.

Я знаю всё, я понимаю всех, я слышу музыку далёких сфер и перешёптывания мелодичных голосов святых в небесном

саду у порога Вечного Города.

И в этот момент удар слабости обрушивает меня обратно на кровать. Теперь Вечный Город стал для меня лишь смутно знакомым названием одного из тысяч центров власти, развлечений и возможностей.

Я снова не знаю себя, не знаю ничего вокруг меня, не узнаю лиц и протянутых рук, не слышу знакомых голосов, не узнаю местность и своё отражение в зеркале.

Из этого проклятого, как и я, куска стекла на меня смотрит чужое лицо. Бледное, с опухшими красными глазами после бессонной ночи, со встрёпанными светло-русыми волосами, по которым, словно изморозь, разлилась седина. Белые бескровные щёки и узкие тонкие губы со следами укусов, трещинками и сухими корочками запёкшейся крови...

А за моим плечом до сих пор колеблется тень существа, оставившего мне жизнь, но изменившего меня до неузнаваемости.

Только теперь между нами всё чаще стала появляться высокая фигура незнакомца в длинной алой мантии, скрывающее под капюшоном своё лицо. Моё лицо...

Так много всего и так мало осталось в этом всем меня. Меня, слугителя, охотника, дичи и приманки, беглеца и гончего, властителя и раба своих страстей. И мне до зубовного скрежета жаль, что моя жизнь продолжается до сих пор, словно я стал обречённым, проклятым, прокажённым, и эта зловонная проказа растекается по моим венам, про-

питываю кожу, капая с волос ядовитыми сгустками отчуждения, обречения и одиночества.

Мне оставили жизнь, чтобы я увидел, как умирает мир. Мир, наполненный человеческими страстями, божественной силой тепла, любви, желаний, мыслей, решений, добродетелей и пороков.

Если бы я умел, я бы ненавидел себя. Если бы я мог, я бы ненавидел ночного призрака. Если бы у меня были силы, я бы уничтожил этот мир сам. Ибо мир, самодовольно бегущий к краю пропасти, только и мог породить, впустить в себя, в своё лоно этот отвратительный отросток Забирающего Души.

Незнакомец из моих снов медленно качает головой под капюшоном, сложив руки в широких рукавах одеяний, а я, цепляясь за ниточку реальности, снова выплываю из мокрых от пота простыней, чтобы первым делом вспомнить и попытаться произнести своё имя.

Меня зовут Матиус Лонгин, и я потерял единственное, что действительно могло принадлежать мне в этой жизни, и что никогда не принадлежит никому из нас.

Я потерял душу...

Глава 5. Delirium Кацмана

*Somebody mixed my medicine
I don't know what I'm on
Somebody mixed my medicine
But baby it's all gone
Somebody mixed my medicine
Somebody's in my head again
Somebody mixed my medicine again, again*
The Pretty Reckless – My Medicine

– Капитан, кажется, у нас проблема... – Гай, появившийся на экране внутреннего интеркома, был непривычно подтянут, и заметно нервничал. – Нужна твоя помощь. Срочно.

Рик зевнул, и, отгоняя подступившую сонливость, взгляделся в бортового врача своими красными от постоянного недосыпа глазами.

– Док, прости, но что случилось? Почему ты из медблока? И где...

– Нет времени объяснять, жду тебя у каюты моего... То есть, боцмана Кацмана, – Травкин, сдвинув брови, отключил линию связи.

Капитан вскочил со своего кресла, где коротал время, оставшееся до конца вахты, и собрался выйти из рубки, но вспомнил про необычно молчаливого искина, и попросил, обращаясь к главному экрану:

– Искин! Изя? Дай мне телеметрию из каюты Джека, пожалуйста...

На поверхности экрана расцвело овальное окно, заполненное белым шумом и помехами.

«О... Джек вывел из строя систему наблюдения... В последний раз он сотворил такое... Да никогда он такое не творил, чёрт его дери! Что происходит, мать вашу космическую?!» – И капитан Морган, рывкнув: «Искин, принять вахту», вылетел из рубки, едва не вписавшись в слегка замешкавшуюся перепонку двери.

К каюте боцмана он подбежал, немного запыхавшись. Как назло, не работал ни один лифт, и пришлось намотать пару сотен метров по аварийным лестницам вверх и вниз, матерясь в полутьме. К счастью, обошлось без жертв, если не считать двух раздавленных тяжёлыми башмаками сервисных автоматов и одной лопнувшей трубы с паром.

Гай ждал Рика, нервно постукивая своими тонкими пальцами по сенсору в окаймлявшей перепонку шлюзовой при-толоке. Дверь подёргивалась, но доступа корабельного врача не хватало, чтобы её раскрыть.

– Что с Джеком, Гай? – капитан с ходу шлёпнул по при-толоке тонким браслетом с капитанским кодом, продолжая движение и... был остановлен в своём порыве так и не раскрывшейся перепонкой. С трудом оторвав лицо от липкой полимерной плёнки, Рик задушено прошептал в сторону:

– Дьяволы Бездны, почему не сработало...

– Потому что этот идиот заблокировал не только все сигналы из каюты, но и отключил любые уровни доступа! – Травкин продолжал механически касаться сенсора. Бледное лицо врача покрывали мелкие капельки пота, а пальцы слегка тряслись.

Морган бы не смог заметить этого, не залипни он в перепонке, с глазами, направленными как раз на сенсор.

– Б***... Я давно так не боялся... – прошептал Гай, упираясь лбом в сталепласт переборки. – Датчик биоритмов он себе тоже вырезал...

Левая рука Травкина скользнула в карман, покинув пределы ограниченного поля зрения капитана. Спустя долгую секунду Морган ощутил запах какой-то ядрёной химии и услышал тонкий свист распылителя. Он зажмурился, и прекратил дышать. «Док, надеюсь, ты знаешь, что делаешь... И, дьявол, мне тоже страшно. Что там происходит, за этой долбанной перепонкой?!» – пронеслось в голове Рика, и он почувствовал, как отлипает от двери. Глубоко вдохнув слабо пахнувший растворителем воздух, капитан проговорил, растёгивая кобуру:

– Я тоже беспокоюсь, Гай. Как бы этот... боцман чего не натворил. Видимо, придётся вырезать дверь.

– Само отвалится, – флегматично ответил Травкин, пряча распылитель, – этот паралитик расслабляет искусственные мышцы за несколько секунд. Искусственные! – добавил он,

слабо улыбнувшись в ответ на округлившиеся глаза Моргана.

Дверь, с трудом сокращаясь, как переевший кроликов питон, уползла в боковые ниши, и Рик с Травкиным сморщились от ударившего им в лицо тяжёлого микса из перегара, испарившегося спирта, самогона и виски, запахов немытого тела и засохшей рвоты. Капитан испытал противоречивые позывы закусить или занюхать амбрэ стоявшими в углу носками, и проблеваться. Судя по ещё более побледневшему лицу Гая, им овладели подобные стремления.

Кацмана они обнаружили в углу, за перевёрнутой на бок койкой, в негорючей обшивке которой торчали затушенные сигары из неприкосновенного запаса капитана, напоминая доисторического ежа, которого переехал погрузчик. Боец сидел, привалившись к стене, и прижимая к груди початую бутылку «Джека Дэниэлса», что-то тихо бормотал. От его рваной и пропитанной спиртным одежды несло, как из корзины с бельём на свалке, а небритая красная морда была залита слезами и соплями. Рядом на полу лежал позолоченный бластер, ещё одна бутылка виски, и початый ящик с куревом.

Гай, тяжело вздохнув, отбросил в сторону койку, брызнувшую окурками, и наклонился к брату. Капитан застегнул кобуру, и аккуратно подошёл к Джеку с той стороны, где лежал плазменник. «Вот же скотина еврейская! Он же стреляться собрался! Но почему? И что должно было случиться, чтобы

Кацман стал напиваться в рейсе?» – подумал Рик, осторожно подхватывая бластер, и отбрасывая его за койку. Сколько он себя помнил, его странноватый боцман уходил в жестокий алкогольный штопор исключительно на стоянках или в отпуске. Да и в последнее время, после пережитого ими всеми приключения со Строителем и Кардиналами, Джек явно поостыл к спиртному.

– Капитан, помоги его уложить на пол... – тихо попросил Гай, прикладывая сенсоры медкомплекта к телу брата. – Боюсь, его даже модифицированная печень не спасла. Допился до «белочки». *Delirium*, понимаешь, *tremens*.

– Да, белый он, вижу... – Морган осторожно уложил Кацмана на пол, и Травкин, не медля, стал методично обкалывать брата целой пригоршней инъекторов, предусмотрительно запасённых в глубоких карманах.

Боцман что-то пробормотал, и Рик наклонился к его губам, чтобы разобрать слова. Неожиданно Джек открыл остекленевшие глаза, и схватил капитана за горло. Пальцы сдавили трахею, и Морган смог только хрипнуть что-то невразумительное, скребя ногтями по запястью Джека.

– Что ж ты, с-скотина б-бездушная, тв-воришь... – удивительно разборчиво, хоть и с заиканием, проговорил боцман, с трудом дыша. – Да как т-ты смел так поступать с людьми, С-судья ты засланный! Они ж ж-живые! Им же б-больно! Сдохни, с***, долбанный угод!

Гай прикоснулся к предплечью Кацмана, и рука, только

что впивавшаяся в горло Рика, безвольно опала. Глаза Джека закрылись, и он захрапел.

– Извини, капитан, – Травкин поставил какой-то укол, и Морган смог дышать. – Не пытайся говорить, тебе вредно. Потом останешься в медотсеке, я расправлю тебе трахею и сделаю блокаду...

Капитан кивнул, и жестами показал, что донесёт Кацмана до медблока. Док согласно кивнул, и распрямылся.

– Пойдём, Рик. Если можешь, быстрее – уколы действуют недолго, а его сердце скоро смачно квакнется...

Глава 6. Марсианские Хроники

Когда на карту поставлено всё, что только возможно – тогда наступает момент, в который все решения и все вероятности начинают течь только по одному пути. И путь этот предсказать нельзя...

Либо всё будет хорошо, и мы победим, либо – всё будет плохо. Но мы все равно победим, только вот цена победы... Может быть несколько завышена. Марсианская «Серебряная Книга», 2387 г.

6.1. Марсианские Хроники. Макс Тель

9 августа 2278 года

Незримая рука Марса... Тайное правительство. Криптократия. Сопротивление.

Со времён первой Республики, Сопротивление всегда стояло за спиной марсианского правительства, тихо дыша тому в затылок. И дёргая за нужные ниточки.

В результате корабли доставляли груз не туда, люди не попадали в нужное место, денежные потоки меняли направление и оседали на временных счетах нейтральных

банков. Тонкое воздействие, лёгкие помехи, которые даже не выглядели попытками помешать или навредить, а смотрелись вполне вдумчивой помощью и прочим «споспешествованием» официальному курсу Протектората.

Так, год за годом, креп страннѳый противоестественный союз двух разных миров – Марса, входящего в Протекторат на условиях сохранения независимости в отдалённых колониях, и Сопротивления, включавшего сотни тысяч человек, контролировавшего целые отрасли и направления исследований. При том нередко высшие функционеры Марс-Сити, допущенные до патриотичной аудиенции с самим Лордом-Протектором, являлись одновременно и Ведущими лидерами правительства теневого...

Макс почесал в затылке, крепко задумавшись над хитрыми загогулинами, которые выписывала межпланетная и межзвёздная политика, и уткнулся в экран коммуникатора, на котором вместо статьи проступил подробный план Лабиринта. Сегодня ему и его бригаде киборгов предстояло проверить одну секцию, выдававшую аномальные сигналы временного смещения.

Как было известно всем, от детей до стариков, Сопротивление избрало своей резиденцией и основной базой Лабиринт – гигантское сооружение, созданное Ушедшими, ксенорасой, обитавшей на Марсе тысячелетия назад. Именно их руки, или щупальца, или педипальпы и возвели уходя-

щий в кору планеты комплекс галерей, переходов, бункеров и шахт неясного назначения. Именно Ушедшие, умевшие тонко играть со временем, наполнили внешние участки Лабиринта ловушками и порталами с временным смещением и стазисом, войдя в которые, можно было прибыть то ли к Большому Взрыву, то ли к моменту тепловой смерти Вселенной... или просто выйти в другом коридоре, ближе к подземному сердцу комплекса.

В Цитадели всегда были свет, пусть немного непривычный и синеватый, энергия, поступающая из странных накопителей, которые работали на временном смещении, и атмосфера. Пусть даже для людей в здешнем воздухе наличествовало слишком много благородных газов, но дышать можно было вполне уверенно – Ушедшие тоже были кислородной формой жизни.

Здесь проживали от десяти до пятисот тысяч человек одновременно. Количество жителей колебалось в зависимости от напряжения отношений с Протекторатом – если местным ищейкам давали команду «фас!», Цитадель принимала в себя всех, кто не мог защитить себя сам – детей, стариков, женщин. Когда обстановка улучшалась, крепость пустела, и только обслуживающий персонал оставался здесь, ремонтируя ветшающие от десятилетия службы коммуникации и туннели.

В последние сто лет, правда, учёные нашли общий язык с тем старьём, что управляло Лабиринтом, и стало возмож-

ным отремонтировать заблокированные секции внешних галерей. Чем, собственно, и занимался Макс со своей бригадой «землероек» – киборгов предельной модификации, с мозгом, изъятым у преступников. Отключённые высшие функции сознания не позволяли поговорить с ними о сонетах Шекспира, или обсудить последние новости политики, но это Макса не раздражало. Он заботился о своих «оловянных солдатиках». После определённого судом срока сознание перенесут в новое тело, подкорректировав социально опасные зоны, и выпустят в мир людей.

Максу было радостно, что он помогает этим беднякам вернуться – пусть даже после коррекции, и стирания памяти. «Всё равно приятно вернуться домой, – думал он, размечая план работ на следующие недели, – особенно, если есть куда возвращаться».

Сам Макс родился и вырос в Цитадели, и Марс видел буквально три раза, во время кратких отпусков, которыми его премировало руководство. В последний раз, когда экскурсионную группу возили на Фобос, ремонтник заблевал полкорабля, и понял, что в космос и на поверхность планеты его не загонишь даже плёткой. Лучше уж родные туннели и галереи из красного песчаника, оплавленного Ушедшими до твёрдости гранита и стали. «Тут нет неба, но на кой оно нужно? – Макс нервно оттянул горловую застёжку комбинезона. – В небе опасно. Метеориты, эти, как их, астероиды...

Корабль может выстрелить... Ну его. Лучше здесь. Здесь хорошо...»

Он не помнил родителей, хотя и приходил каждый месяц к Скале Памяти в верхнем Лабиринте, где по давней традиции выжигали имена и портреты погибших сотрудников Сопротивления. Со стены на него смотрели плотный немолодой мужчина в защитном костюме пожарного и маленькая стройная женщина с мягкими чертами лица и яркими, даже при таком способе нанесения изображения, глазами. «Вильгельм и Мартина Телль» – было написано внизу, – «2212 г. Авария на Сыртском накопителе энергии. Вечная память».

Макс Телль прожил с того момента более полувека, и память его благородно покрыла тень тех лет непроницаемым тончайшим саваном забвения. Он работал, работал и ещё раз работал. Иногда проходил регенерацию в медцентре, пару раз отказывался от предложенных повышений и никогда не покидал Лабиринта и Цитадели. В перерывах между работой он читал. Всё, до чего мог только дотянуться в марсианской сети – от древних сказок Земли, которые, несмотря на цензуру, так и не смогли вытравить поколения и поколения сетевых полицейских, до современных писателей, как популярных, так никому и неизвестных. Книги по физике мешались с бестселлерами, фантастика – с учебниками по теории искусственного разума, а любовные романы – с философскими «завихрениями», по сравнению с которыми Гегель казался нервным младшеклассником. Кри-

сталлотека занимала уже три полки, и грозилась расползтись на четвёртую, потеснив старинные часы и награду за меткую стрельбу, которая когда-то давно принадлежала его отцу, Вильгельму Теллю.

Комм тихо пискнул, выводя голограмму входящего сообщения, на которой букашка тащила на спине большую коробку с надписью «почта». Макс ткнул обгрызенным ногтем в сенсор, и по экрану побежали строки:

«Двадцать Шестой – бригадиру. Ребята готовы. Заряд полный, у Тринадцатого и Семнадцатого близок к выработке ресурс, но сегодня они ещё попрыгают. Планируем пенную вечеринку в Пятом спиральном коридоре. Вечно ваш Жжжжук».

Бригадир Телль радостно усмехнулся, представив себе довольную металлическую морду Двадцать Шестого. Из всех киборгов-рванинов, как звали на Марсе насильственно киборгизированных граждан с поражением функций мозга, этот был самым смышлёным и человечным. То ли техники что-то напутали при переносе в «землеройку», то ли он сам смог восстановиться – Макс не знал, хотя проблема и была ему интересна. Но он не стал даже пытаться искать что-то по этой теме в Сети – ещё не хватало подставить своих работников, и самому влипнуть...

– Центральная, на связи Макс Телль, – вызвал он диспетчерскую. – Утвердите план работ на следующие трое суток,

Лабиринт Восемь тире Десять, секция три и четыре, калибровка каналов временного смещения и переключение ловушек.

– Вас поняла, Телль, – ответила Центральная приятным женским голосом. Макс даже ухом не повёл, прекрасно зная, что под этой войс-маской скрывается старый искин третьего поколения, списанный с пассажирского лайнера век назад за утончённый садизм и механофилию. – Может быть, отметим после возвращения юбилей колонии?

– Нет, благодарю, я занят, – вежливо отказался бригадир, содрогнувшись, – у двоих ребятишек ресурс почти выработан, я с ними посижу...

– Хм... Ну, как знаешь... – в голосе искина послышалось разочарование. – Центральная, отбой связи.

– Отбой, отбой, – радостно подтвердил Макс, распахивая инвентарный шкафчик, и переодеваясь в рабочее обмундирование.

*Центральная – Контролю
Донесение.*

Определен следующий объект, подходящий под текущую маску контакта. Совпадение вероятностных полей – до трех девяток. Наблюдение установить не удалось вследствие выхода объекта на работы в удаленном секторе Лабиринта. Точка отсчета – плюс три. Запрашиваю дальнейший алгоритм.

Контроль – Центральной.

Ответ.

Алгоритм Альфа 113. Дождаться возвращения объекта, провести отметку и считывание волновой матрицы. После контакта предоставить временный дипломатический статус Ультра, перевезти в апартаменты Дипкорпуса. В обмен информацией не вступать. Свидетелей обмена отправить на коррекцию. Точка отсчета ноль.

«Ребятишки» встретили Макса с радостью, ощупывая импульсами сонаров и шевеля толстыми усами манипуляторов. Кому-нибудь другому здоровенные двухметровые стальные машины, напичканные энергоячейками, усилителями, сервоприводами и бионическими мышцами под управлением закапсулированного человеческого мозга, напомнили бы гигантских тараканов. И, наверное, вызвали отвращение. Может быть, потому большинство бригадиров принимали вахту у внешних шлюзов? Но Телль не боялся насекомых, которых и видел-то четыре раза, в зоопарке и частных коллекциях. Ему было приятно возиться с большими киборгами, которые вели себя порой совсем как дети, играть с ними в сетевые шутеры на пути к месту ремонта и перекидываться шуточками с Двадцать Шестым или Восьмёркой, которые превосходили всех остальных «букашек» в развитии. Макс их хорошо понимал.

Сегодня он особенно пристально принимал готовность у машин номер 13 и 17. Как и говорил Двадцать Шестой, ресурса бионики хватало впритык на вылазку и возвращение, плюс работы на месте. «Сканеры и темпоральные щупы много не едят, а для физических упражнений можно использовать и более молодых, – подумал Макс, и перераспределил износившихся в списке на роли измерителей. – Бедные... Ну, ничего, их срок уже почти закончился, может, комиссия по контролю сделает скидку...»

Пошутив с Двадцать Шестым про погоду и искина Центральной, Тель вызвал грузовой мобиль и погрузился туда вместе с бригадой. Громоздкий скафандр высшей защиты уравнивал его в росте и весе со всеми киборгами, и из толпы блестящих металлом тел Макс выделялся разве что шириной торса. Поразительно чувство единения привычно накрыло его с головой, так что даже захотелось замурлыкать в канал бригады какую-нибудь песенку из подслушанных недавно в сети. Киборги что-то негромко жужжали на своём канале.

Как он и думал, провозиться пришлось как раз двое суток – сектор был порядком разрушен, и даже прочнейший плавленый песчаник Ушедших рассыпался пылью от старости, вызванной воздействием темпоральных полей. Трём киборгам пришлось подключаться к реактору мобиля и заполнять пустоты строений сектора биопластмассой, восстанавливавшей повреждённые энергоструктуры. Остальные семь

машин настраивали временное смещение и присоединяли локус сектора к переходам Цитадели. Тринадцатый и Семнадцатый честно пахали, как неведомые Максу звери-лошади, которых принято было вспоминать при описании таких ситуаций, и иногда приходилось их останавливать, чтобы не сорвать ресурс.

В тяжёлой работе, прерываемой редкими минутами отдыха, человек старался не отставать от своих верных подчинённых, и ему это почти удавалось. Усталость гасилась стимуляторами, голод – пищевыми брикетами, а сон отгоняла жажда деятельности. О Цитадели и книгах Макс не вспоминал, вкладывая себя полностью в контроль за бригадой, тонкую настройку темпоральных полей и прокладку нитей-закладок переходов Лабиринта. Он слышал в наушниках скафандра шелестящий шёпот Ушедших, которые до сих пор проходили этими галереями по своим невиданным делам, неощутимые для глаз, заплутавшие в тенях иных времён и пространств. Редкие вспышки света на границе зрения, следы в нетронутой веками пыли осыпающихся переходов, шелест крыльев и стрёкот когтей по камню... Лабиринт был живым, Телль знал это, и старался не просто восстановить камень и биометалл, но исцелить повреждённые временем участки гигантского организма.

Смена подходила к концу, и нужно было сворачивать оборудование, и грузиться в мобиль. План работ они перевыполнили, система сканирования показывала восстановление

на 120 процентов от нормы. «Букашки» сильно разрядились, но до базы оставалось несколько часов, и все дружно утверждали, что они «потерпят». Никто не пострадал от временного сдвига, и не повредил механику или бионику... Всё было хорошо. Какое-то непонятное чувство скреблось внутри у Макса, вызывая смутное беспокойство, словно мир изменился, пока он был здесь, в глубине времён, и теперь может случиться всё, что угодно. Это было странно, но вполне оправданно – темпоральная защита никогда не спасала полностью от паразитных излучений Лабиринта. Некоторые ремонтники после смен приобретали способность предсказывать события, кто-то мог видеть события из других времён и мест, кому-то начинало сильно везти в карты и лотерею... Жаль, что подобные побочные воздействия быстро рассеивались.

Цитадель, технические этажи, северный вход Лабиринта.

– Внимание СО, приближается мобиль ремонтной бригады, смещение ноль-ноль.

– Прошли внешний шлюз, цель на дезактивационных процедурах.

– Приготовиться к отключению киберов, приготовить транспорт для вывоза и коррекции.

– Молчание на канале, – вклинился в переговоры охраны незнакомый голос, отдающий металлом и силой. – Тридцать суток патрулирования Лабиринта той твари, что выкнет хоть

слово в следующие пять минут...

– Это что за х**?* – спросил кто-то из охранников, и сразу же зашёлся руганью. – Твою мать, месяц коридоров???

– Два, – добавил тот самый металлический голос. – Понял?

Ему никто не ответил, а самые хитрые, судя по раздавшимся тихим щелчкам, отключили микрофоны. Во избежание.

Макс понял, что влип, когда их загнали на деактивацию сразу после прибытия, не дав даже выставить мобиль на зарядку, и сбросить остатки реакторной массы. Раньше такое случалось, когда прилетали инспектора из столицы, или готовились какие-то мероприятия Соппротивления, и Цитадель переходила на усиленный режим. Он пошарился по сети, ничего не нашёл, и попытался успокоиться. В дезкамере к нему подошёл Двадцать Шестой, и, прикоснувшись к гнезду связи манипулятором, вышел на связь.

Кодированный канал мало приспособлен для передачи текста киборгами, но комп скафандра справился, и вывел на визор размытые строчки

– Бригадир... Напиши в ведомости, что мне нужен ремонт...

– Что случилось? – набрал Макс в ответ. – Ты же целый, бионика в порядке.

– Не поверишь, но у меня плохие предчувствия, – киборг

добавил грустный смайлик и продолжил. – Насчёт тебя тоже. Мне нужна запись в ведомости о полном восстановлении механики панциря или сервоприводов конечностей, тогда я попаду сразу в цех, минуя контроль. Это важно.

– Хорошо. Я подпишу... – Телль удивился настойчивости Двадцать Шестого, но раз он сказал «важно», значит, так и есть. – Но если выяснится, что ты исправен...

– Не выяснится. Сейчас сделаю, – киборг рухнул прямо на пол камеры, и наполовину втянул конечности, изогнувшиеся под разными углами. Манипулятор вылетел из гнезда, и связь прервалась.

Макс быстро вызвал ведомость смены, и отредактировал пару ячеек, указав обе причины ремонта, названных киборгом, и добавив ремарку: «выход из строя по неизвестным причинам, возможно отложенное воздействие Лабиринта». Теперь Двадцать Шестой сразу поедет в ремонтный цех...

После обшарпанной шлюзкамеры бригада бодро потопала в помещение граунд-контроля, а неподвижного киборга погрузили в небольшой транспортный мобиль, исчезнувший в служебном тоннеле. Телль проводил взглядом машину, и вздрогнул, когда на плечо его скафандра опустилась рука рослого охранника.

– Макс Телль? – раздалось из-под опущенного забрала бронекостюма.

– Д-да... – Макс слегка обалдел, оглядываясь назад, что

сделать, находясь в скафандре, довольно затруднительно. Камера заднего обзора не работала уже года три... – Что случилось? Кто вы?

– Спецхран, особый отдел. Не двигайтесь. Выключите скафандр, – второй спецхрановец осторожно обошёл его спереди, держась вне зоны действия встроенного инструментария. – Вам никто не угрожает.

– Всё делается для вашего же блага, гражданин, – вторил ему его напарник, подключая какие-то модули к внешним разъёмам ремонтного костюма. – Какого цвета берега Вечности?

– Ч-что? Какая, к дьяволу, вечность??? – опешил Макс. – Что вы делаете?! Отпустите!

– Как глубоки воды Стикса на границе Граней? – спецхрановец активировал установленные приборы, и скафандр тряхнуло, как от разряда тока высокой частоты. – Здесь красивая местность?

– Идите в задницу с вашей местностью! – начал закипать Телль, одновременно стараясь включить хоть что-то из оборудования. Например, вибронож или плазменный резак. – Что за х*** вы несёте?

– Вырубай. Контакта нет, – приказал второй охранник, взглядывавшийся в лицо Телля через прозрачный визор. – Контроль ошибся.

– Контакт будет... – первый нажал на сенсоры. – Просто мы рановато его взяли.

«Здесь красивая местность» – раздался шепоток где-то на границах сознания Макса, которого почему-то потянуло в сон. «Берега Вечности темны, – раздалось в сумраке, куда погружался бригадир Телль, и мелодичный голос произнёс, впервые обращаясь напрямую к нему: – Извини, но тебе придётся заснуть ненадолго. Обещаю, твоему телу не повредят. Скорее, наоборот... Приятных снов, Макс. Ещё увидимся».

6.2. Двадцать Шестой. Побег

9/12 августа 2278 года

Двадцать Шестому было плохо и страшно. В тёмном боксе технического обслуживания, куда его доставили транспортники на карантин, не было Сети, свежего воздуха и коммуникаций, но киборгу было глубоко начхать на всё, кроме доступа к информационным каналам. Он подключился, как сумел, к местным каналам, и уже битый час нащупывал хоть что-то, хоть одну несущую частоту, хоть один линк, ведущий вовне Цитадели. Страх бился внутри, словно перебитый виброножом трубопровод высокого давления, заставляя ошибаться, исправлять ошибки, снова выбирать неверные подключения и пароли...

Как получилось так, что один из приговорённых к исправительным работам в кибертеле, восстановил доступ к основным характеристикам личности, никто не знал. Двадцать Шестой никому не рассказывал об этом, Макс предпочитал молчать, а техники Цитадели в кибермозги не лезли, чтобы не оказаться в списке кандидатов на внеочередную киборгизацию и коррекцию. На Марсе, с его вечным дефицитом рабочей силы и ресурсов, преступников и прочих неугодных правительству лиц уже много десятилетий превращали в машины, лишая свободы воли и личности. Заведённый вскоре

после насильственного вхождения планеты в состав расширяющегося Протектората Земли, этот порядок существовал без сбоев уже не одно столетие: сделал пакость обществу, и имел глупость попасться полиции – будь любезен, «общественные работы на срок от двадцати до ста пятидесяти лет, с пролонгацией по решению суда». Прощай, молодость... Самым страшным было не получение бионического тела, но перенос личности в кибермозг – вся память и основы личности осуждённого методично выхолащивались и блокировались, оставляя активным только примитивные инстинкты и рефлексy. Голод, страх, удовлетворение, боль... Чувство самосохранения обычно приглушалось, чтобы киберы не бежали в случае опасности, как только припекало зад – корпуса у них были прочнейшее, и выдерживало адские температуры и давления. А родные потроха приговорённых к общественным работам разбирались на органы, и отправлялись в имплант-клиники...

Двадцать Шестой меланхолично вздохнул... то есть, попытался это сделать. Бионика не нуждалась в притоке воздуха, и внешние рефлекторы выдали какой-то сдавленный хрип, сбросив излишек давления в системе. «Ладно, и так сойдёт, – подумал он. – Мыслью – следовательно, существую. Етись оно, этим, как его... А! Да, конём».

Себя он помнил уже лет сорок, но так до конца и не знал, кем он был «до машины» – преступником, бандитом, наркоторговцем, сутенёром... или участником Сопrotивления,

которого не смогли защитить соратники? Ему хотелось верить, что последним. Как-то благороднее получалось, что ли. Приятнее. Да и «общественные работы» он выполнял в Цитадели... Пардон, в «Исследовательском мобильном базовом едином Центре Изучения Лабиринта».

ИмбеЦИЛ, как всякое уважающее себя серьёзное научное учреждение, с кучей грантов и тучей дипломированных специалистов, базировался в Марс-Сити, и являлся одной из официальных масок Сопротивления Марса. Здесь, в Цитадели Ушедших, учёных почти не видели – все они предпочитали работать удалённо, чтобы не попасть в мясорубку темпоральных полей Лабиринта, или, не дай бог, под выплеск странных излучений некоторых его секторов...

Однажды Макс Телль, засидевшись допоздна после смены в отсеке своей бригады, спросил Двадцать Шестого:

– Жук, может, я попробую узнать через своих знакомых в Системе Исполнения, кем ты был? По номеру тела и личным идентификаторам... Они же хранят личные дела всех осуждённых.

– Не смей! – ответил киборг по войс-линии, судорожно передёрнув суставчатыми лапами. – И думать забудь, Макс. Тебе так хочется присоединиться ко мне? Только – без памяти, без души, и в сраном кибертеле с тараканьими усиками и лапками?

– Но информация...

– Бригадир, не надо. Я спокойно проживу и без этих дан-

НЫХ...

Двадцать Шестой слукавил тогда. Больше всего на свете ему хотелось две вещи – узнать, кем он был раньше, и избавиться от кибертела. Причём, второе можно было проверить раньше...

«Эх, Макс, Макс... Где ты сейчас, дружище? – думал киборг, вгрызаясь в протоколы местной локальной сети. – Судя по всему, и во-о-от по этим записям камер наблюдения, тебя либо уже дербанят на запчасти на столе Системы Исполнения, превращая в такого же, как я, либо содержат в очень комфортабельном отсеке с коэффициентом защиты двадцать...»

Наконец, сеть поддалась, и появился доступ к системе Цитадели. «Если избежать внимания фагов, – думал Двадцать Шестой, произвольно разминая нижние конечности, словно перед прыжком, – И проскочить мимо эффекторов старого параноика Центральной, то... Ага. Вот оно».

В виртуальном визуале побежали строки кода, компилирующегося в странные символы, которые сменились яркими белыми буквами. Требовался ввод пароля... Киборг сначала задумался – ведь никакого пароля он не знал, и знать не мог по определению. А ломать «в лоб» такой старый и странный узел он не стал, даже если бы и был хакером-профи, со всем арсеналом примочек и парой искинов поддержки в запасе... Но тут Двадцать Шестой обратил внимание на то,

как подёргивается его верхняя пара конечностей-манипуляторов для тонких работ, стилизованных под пятипалые конечности. Последовательность сигналов, поступающих вне контроля киборга из его же мозга на манипуляторы повторялась с небольшой паузой. «Чёрт возьми... Я знаю этот пароль... – киборг спешно наложил движения рук на изображение клавиатуры, расположение знаков на которой было неизменным уже неведь сколько столетий, чуть ли не с Тёмных веков. – Да, но откуда я его знаю? Какая разница, в самом деле. Победителей не судят. Особенно, если не поймут...»

Пароль был длинейший, на пределе заполнения стандартного пакета данных, с переключениями размера букв, вводом спецсимволов и сочетаний команд. Пару раз изменив масштаб вирт-клавиатуры, киборг, наконец, получил то, что могло помочь ему получить доступ к замаскированному узлу...

Ввод. Ожидание. Система долго переваривает информацию. Двадцать Шестой, будь он человеком, сгрыз бы ногти на руках по самый локоть, но телам его модификации ногтей не полагалось, а когти из метасплава не разгрыз бы и песчаный червь, заползи он случайно в технический сектор...

«Пароль подобран правильно. Добро пожаловать в сектор Гюрза. Пользователь опознан, идентификатор Решка, права первого уровня, – споро бежали по экрану мелкие белые буковки. Двадцать Шестой испытал электронный аналог

удивления, и с треском раскрыл жвала – система откуда-то его знала, и ждала. – Подготовка подходящего тела запущена. Трансляция сознания запущена. НЕ ПРЕРЫВАЙТЕ СОЕДИНЕНИЯ ВО ИЗБЕЖАНИЕ ПОТЕРЬ ЛИЧНОСТИ! Разблокировка судебных запретов частично снята. ПРИГОТОВИТЬСЯ! ТРИ! ДВА! ОДИН! ПЕРЕНОС...»

Системы киборга на мгновение дали сбой, после восстановления которого кибермозг оказался девственно пуст и чист. Его кристаллосхемы лишились не только содержимого, но и способности держать заряд.

Через сутки ремонтная бригада, спешно вызванная из Фарсиды, матерясь, и через слово поминая «неумелых рукосуев» из местного техотдела, вырезала остатки биомеханического тела «землеройки», некогда известной под идентификатором «Двадцать Шесть», из спёкшейся в результате самопроизвольного разряда всех накопителей киборга карантинной ячейки. Начальник техотдела мямлил что-то невразумительное, и ссылался на Лабиринт, после которого ещё и не такое, дескать, случалось...

Приказ, полученный из Марс-Сити, пресёк возникшую было бурную переписку и бурление в инфосфере Цитадели. Он гласил: «Землеройку списать, отсек законсервировать, расходы снести на содержание объекта. Канцлер Ле Рой».

Он медленно приходил в себя. Ощущения тела, обычного человеческого тела, так отличавшиеся от десятилетий гру-

бых сигналов кибер-бионики, нарастали с каждой секундой, словно приливная волна в узком заливе...

Ощущения голода, жажды, почти неосязаемых болей и пульсации внутренних органов, свойственные любому человеку от рождения и до смерти. Такие родные, что мы их не замечаем. Такие забытые, и такие желанные... Не открывая глаз, чтобы не спугнуть чуда, подкравшегося столь незаметно, Двадцать Шестой медленно шевельнул правой верхней... нет, просто правой рукой: «Боги! У меня есть руки! Обычные, человеческие руки, с ногтями, которые можно стричь, с кожей, которую можно поцарапать чем угодно... У меня снова есть тело! – тут его внезапно осенило. – Секундочку... Я мужчина или женщина?»

Рука медленно переместилась к паху, и бывший киборг с удивлением обнаружил, что он – мужчина. Совершенно определённо. И очень выдающийся, притом... Из уголков его глаз скатились две слезинки, заставляя гореть молодую кожу лица.

«На ощупь все предметы кажутся больше, – услышал Двадцать Шестой тонкий шепоток на границе сознания, – не обольщайся... Обычный необрезанный поц, м-да, даже восьми дюймов не отросло...»

«Ты кто? – обалдело спросил он, нашаривая привычные каналы управления собственного кибермозга. – И кто я?»

«Искин второго поколения Мемета, сектор Гюрза, прошу любить и жаловать... – ответил голосок, немного картавя,

с оттенком лёгкого жеманства. – А ты – агент Решка, восстановленный согласно последним записям сектора».

«Почему я ничего не помню? То есть, я помню, как был кибером-землеройкой, но... – Решка резко открыл глаза, и вздрогнул от удара яркого света, заливавшего комнату. – Кто я на самом деле?!»

«Память восстановится. А сейчас, прошу, покинь капсулу, мне нужно тут прибраться...»

Двадцать Шестой медленно, с усилием заставил себя встать на подгибающиеся ноги, и, цепляясь за непонятное оборудование, направился к выходу. Перепонка двери с треском распахнулась, открывая обшитый янтарными метапластовыми панелями коридор, мягко мерцающий древними люм-панелями.

– Так... – кашлянул Решка, с трудом проглатывая вставший в горле сухой комок. – И куда дальше?

Он осмотрел коридор, ведущий почти точно с севера на юг, отметил факт работы встроенной системы позиционирования, и лёгким усилием воли запустил самодиагностику кибермозга. Пока в полях бокового зрения сыпалась текстовая метель проверки системы, Двадцать Шестой повернулся направо, к двери, украшенной затейливым орнаментом из марсианских опалов и вулканического стекла, и направился к ней. В голове всплывали странные побуждения вернуть отключённую периферию и дополнительные устройства, оставшиеся в теле «землеройки», и рекомендовал об-

ратиться в ближайший сервисный центр «для замены оборудования и перепрошивки»

«Да пошёл ты... – сморщился Решка, ковыляя по метопласту, и прислушиваясь к ощущениям. – Какие тут сервисные центры, Фобос тебя разорви, если мозг набекрень...»

Но существовал и вариант переноса кибермозга в человеческое тело.

Откуда-то он знал, что подобные операции – не редкость, по крайней мере, были распространены раньше, до заключения его в киборга. Перенос сознания на твердотельный носитель, подготовка тела, замена головного мозга специальным интерфейсом, подключение кибермозга... Вуаля. Человеческое тело и электронный мозг. «Получите и распишитесь...» Но в последнее время популярность подобного рода операций резко снизилась – слишком уязвим был кибермозг к внешним влияниям, взлому, сетевым атакам... Поднять и настроить хорошие «экраны» могли только специалисты-сетевики, а таких было немного. Обычному же обывателю хватало и куска биомассы между стенками черепа. Да, быстродействие меньше. Да, память несовершенная. Но зато – ешь-пей в своё удовольствие, люби жизнь, и двигайся в могилу, так сказать, не приходя в сознание. «Зачем нужен кибермозг? Ведь от него же поумнеть можно!» – вспомнился Решке эпизод какого-то голошоу, и он скривил потрескавшиеся губы в кривой усмешке.

– Надеюсь, за этой дверью находится большой-преболь-

шой шоколадный торт с глазурью... – прошептал он, пытаюсь сообразить, как опирается этот древний биомеханизм. – Размером с киборга. На меньшее я не согласен!

– Ладонь на идентификатор положи, гой ты еси, – донеслось из незаметного динамика над перепонкой. – Правее, правее...

– Я не понял, кто кого сношает?! – притворно возмутился Двадцать Шестой, шлёпнув ладонью по незаметной панели сканера. – И, главное, куда?..

Перепонка треснула, нехотя уползая в стены. В большой комнате за ней, обшитой всё тем же янтарным метапластом, был сервирован стол, уставленный судками и источающими пар блюдами. Запахи, доносившиеся от стола, могли вызвать слюнотечение даже у трупа, а Решка сейчас чувствовал себя живым, как никогда. И едва не захлебнулся.

– Оделся б ты, добрый человек... – откуда-то из-под потолка прокряхтел голос искина. – Нечего тут телесами отсвечивать, ничего нового для себя я всё равно не открою в человеческой анатомии.

Решка смутился, осознав, что полностью обнажён, и, прикрыв ладонями пах, добрался до пакета, лежавшего в кресле. Одевшись в свободные серые брюки-трансформеры, бежевую рубашку из искрящейся моноткани и лёгкие спортивные туфли, он почувствовал себя намного лучше, и приготовился приступить к трапезе.

– Мемета, подскажи, пожалуйста, сколько времени про-

шло с момента моего отключения? – попросил Двадцать Шестой, смакуя прохладную воду, налитую в высокий тонкий стакан.

– Три стандартных дня и восемь часов, причём эти часы ты бессовестно продрых, агент... А оперативная задача ждать не будет, знаешь ли, – искин вздохнул. – Так что кушай, приходи в себя, и начнём работать.

Посреди безбрежного моря, заполненного спрессованными за долгие века и тысячелетия криками чаек, шелестом волн, набегающих на песок далёких берегов, треском раскрывающихся парусов древних кораблей, и дивным вкусом выдержанных китовых песен, на маленьком плоту лежал, раскинув ноги и заложив руки за голову, человек в белых одеждах, и мечтательно смотрел в нависающее небо. Вместо звёзд над ним проплывали окутанные сияющим газом галактики, сталкивающиеся и разлетающиеся, плюющиеся яркими выбросами джетов сверхмассивных чёрных дыр, и осыпающиеся сверкающим прахом выгоревших светил.

Человек наблюдал за этим небывалым зрелищем, похатывая при особо крупном слиянии группы галактик, или при взрыве чёрной дыры, выбрасывавшей всю накопленную массу и энергию в исполинском всплеске жёсткого излучения. Ему было хорошо и спокойно здесь, в этом маловероятном океане, населённом видениями и мечтами сотен миров, о его плотик тёрлись спинами мерцающие миллионами

звёзд рыбы-вселенные, и игривые мальки-миры запрыгивали на крепко сбитые доски.

Когда-то и где-то он был. Иногда даже вспоминались и короткое имя, и фамилия, словно взятая из древней легенды о стрелке, и название какого-то далёкого мира... Макс. Макс Тель. Марс.

Но волны так ласково качали его колыбель, что он снова и снова погружался в сладкие чужие грёзы.

Ему было хорошо...

А кто-то смотрел на него, из далёкого далёка, и тихо шептал: « Макс, пожалуйста, потерпи ещё немного... Не забывай себя. Не забывай...»

Интерлюдия 1

2270 год

Женщина на вершине тонущей в тумане башни-небоскрёба замерла, и оставалась неподвижной очень долго. Тело казалось статуей из чёрного металла, и только блестящие глаза на бледном лице медленно двигались, провожая огромную желтоватую Луну. На поверхности спутника можно было различить серебряные блёстки сооружений, огоньки двигателей, тончайшие сеточки орбитальных верфей и короткие запятые станций обороны...

Но взгляд необычно удлинённых к вискам глаз, из-за которых облик этой леди казался диким и хищным, не замечал созданного человеческими руками. Она впитывала силу древней забытой богини. Взывала к застывшим тысячелетия назад слезам и крови, молитвам и хвале неисчислимых верующих в Ночь – Никту, Дургу, Гекату, Эрешкигаль... Грабила этот невероятно щедрый мир, лишённый сильных, но исполненный накопленной веками Силы. Выпивала его... и не могла насытиться.

Большой Лондон засыпал. Мегполис, многие годы не знавший сна, заволакивало липкой пеленой, погрузившей в липкие видения, не нёсшие отдыха. Отдельные волокна

тумана взлетали выше, над крышами и скопищами антенн и энергопередатчиков, отделялись и летели вверх, образуя мутную сферу вокруг сидящей на скрипящих пластикатовых поручнях женщины в чёрном. На её красивом холодном лице выделялись алые губы, складывавшиеся в улыбку.

Химера часто приходила в сюда, Большой Лондон 23-го века. Спокойные времена, ленивый темп жизни, свобода от свободы... Веком раньше, или веком позже – было бы совсем не то. Войны, орбитальные удары, вакуумные бомбы, эпидемии – ничего из этого не могло помешать ей брать силу, но вот удовольствие... «Удовольствие они бы мне испортили. Наслаждение моментом тишины, липкого тумана, ночной гулкой пустоты и притяжения огромной Луны, нависающей над городом», – она вздрогнула, почувствовав тревогу, но расслабилась и замерла в прежней позе. Ноги чуть напряжены и разведены в стороны, спина выгнута, шея отклонена назад, чтобы лицо обращалось вверх, к небесам и едким капелькам тумана, оставляющим вкус металла и кислоты на полных губах. – «Невероятно. Но мне здесь нравится. Здесь так спокойно».

Она в последний раз вдохнула лунное сияние, и медленно выпрямилась. По длинным тёмным волосам, блестящим тьмой во тьме, пробежали молочно-белые искорки. Запахло свежестью и дождём. Где-то вверху медленно валился но-

сом к земле потерявший управление стратосферный лайнер. Уснувший за штурвалом пилот навалился на сенсор блокировки автопилота, и примитивный искин напрасно мигал предупредительными сигналами пульта – до падения остались считанные минуты. Блестящие алые губы раскрылись, и между светящимися в темноте идеальными зубами мелькнул влажный язычок. Она сыто облизнулась. «Жертвы? Пусть будут жертвы. Они не важны. Ночь забирает тех, кто слаб».

Химера застегнула крепления зеркального шлема, герметизировала перчатки, и молча шагнула с поручней навстречу светящейся сквозь мглу сетке улиц. Туман рассеялся. Чёрная тень, рассекающая с гулом воздух, растворилась в ночи.

Глава 7. Кровавая баня в марсианском Парламенте. Орбита Свободы

Минуты проходят, складываясь в часы, годы, века и тысячелетия, разматывая череду событий, складывающуюся в причудливую по красоте вязь, соединяющую начало мира и его конец. Который, в свою очередь, тоже может стать началом... Всё во вселенной спрядено в единую ткань, и каждая нить в ней важна, какой бы ненужной и невзрачной она ни казалась.

Те, кто понял эти законы, становятся равны богам.

Те, кто не понял... Им можно только посочувствовать.

Марсианская Серебряная Книга, 2280 г.

7.1. Что сказал Посланник

Марс, Цитадель

13 августа 2278 года

– Что сказал посланник? Они дадут нам технологии, или, как обычно, ограничатся поставками оборудования, которое выходит из строя и рассыпается в пыль после нескольких

применений? – канцлер поправил кружевной воротничок, и привычным жестом завязал щегольский узел на белоснежном галстуке, смотря немного в сторону от визиокамеры.

– Да ничего он пока не сказал, привыкает к телу, – бургомистр тяжело сглотнул ставшую вязкой слюну, – ходит по Цитадели, изучает обстановку...

– Смею надеяться, вы его хотя бы в маске выпускаете? – Ле Рой перевёл взгляд холодных голубых глаз прямо в камеру, но Станнеру показалось, что ему заглянули прямо в душу, до самых её глубин, находившихся где-то в районе сфинктера, который вдобавок рефлекторно сжался. – Охрану приставили?

– Обижаете, господин Рой, в биомаске, под усиленной охраной и с тремя дронами-невидимками...

– Хорошо. Как только, хм-м-м, господин посланник будет готов к переговорам, немедленно сообщите мне.

– Будет сделано, господин Рой! Рады стараться!

– Старайтесь, старайтесь... Конец связи.

– Так точно, конец связи...

Генерал-бургомистр Станнер оттянул тугой воротничок парадного костюма, который клялся отдать биоморферам на перешивку уже третий год, и судорожно вздохнул. Расстегнув застёжки до середины груди, он с наслаждением отдышался, от чего его мясистое лицо стало менее багровым, и выругался:

– Да пошёл ты в задницу, козлиная столичная! Как г*** разгребать, так Джо Станнер ответственный, а как пенку с пива сдувать, так тут сразу Ле Рой и, мать его, скотина Гаррисон... Ничего с вашим злодолбучим посланником не случится, у нас тут не Марс-Сити, мать его! – бургомистр немного подумал, и добавил, успокаиваясь. – Но надо бы и впрямь проверить, как там дела с бывшим Теллем...

Перед этим для успокоения нервов пришлось выхлебать два стакана крепкого виски местного производства, и занюхать по-русски, рукавом.

– Старшина Джорис, слушаю... – медленно проявилась голограмма высокого худощавого мужчины в слегка помятой гражданской одежде. Старомодный пиджак и классические брюки, когда-то давно находившиеся в изрядном фаворе у местных франтов, не могли скрыть военной выправки, и выглядели бы нелепо... случись это в Марс-Сити. Для Цитадели подобное сочетание было вполне естественным, каждый носил то, что мог или хотел. – Генерал, разрешите доложить!

– Тихо, мать твоя песчаная коза... – Станнер потряс головой, отгоняя звон в ушах. «Надо бы проверить давление, – мелькнуло у него в сознании, – прямо вот после разговора...» – Что с Теллем?

– Объект под контролем, в настоящее время находится в «Пыльных Маках Эллады», в третьем номере... – старшина завистливо ухмыльнулся. – Уже второй час пошёл...

Станнер осклабился в ответ. «Маки» были единственным приличным баром, рестораном, отелем и дорогушим борделем для избранных. Даже бургомистр мог позволить себе посещать это место не чаще раза в месяц, а уж про третий люксовый номер мог только мечтать, пуская слюну... Залётные чинуши из Сити оттягивались там регулярно, а некоторые становились постоянными клиентами, чем и пользовалось Сопротивление.

Генерал по долгу службы тоже контактировал с этими мрачными типами, но не переносил их на дух – после каждой встречи хотелось пойти и помыться, причём не в ультразвуковом душе, а в настоящем водяном, и плевать на экономию и разбазаривание ценных ресурсов.

То, что господин посланник, оккупировавший тело, последние дни проводил в праздности и развлечениях, странным как раз не было – Станнер был в курсе, что подобные, хм, сущности приходят из очень странного мира, в котором подобного рода удовольствий не имелось. Вот и оттопыривались на полную катушку, не заботясь о теле...

– Старшина, запустите дронов и усиьте наблюдение, наверху беспокоятся... – бугромистр почесал пузо, и тоскливо бросил взгляд на стоящую в приоткрытом нижнем ящике стола двухлитровую флягу. – А если беспокоится Сити, то беспокоюсь и я. Только я могу вам фитиль вставить прямо сразу, и больно...

– Вас понял, генерал! – Джорис вытянулся во фронт, по-

жирая глазами Станнера. – Будет исполнено, поднимаю дрон-нов.

– Всё, вали отсюда, пока я добрый... – виски манило к себе и звало, обещая краткое блаженство. Генерал-бургомистр отключил связь, и, позвякивая горлышком ёмкости по залапанному стеклу широкого и низкого стакана, налил очередную порцию хорошего настроения. «Всё, к чёрту, надо завернуть пожрать, и к доктору. Что-то голова кружится... – подумал он, залпом осушая посудину, и закупоривая флягу. – Эх, а до пенсии ещё пятьдесят лет корячиться...»

7.2. Резня в марсианском Парламенте

Марс-Сити. Купол Правительства. Расширенное заседание.

14 августа 2278 года

Господин Ле Рой привычно занял мягкое кресло в изолированной нише своего защищённого кабинета в партере зала заседаний, и, поёрзав тощим задом по поскрипывающей коже сидения, приготовился выслушивать многочасовую говорильню, посвящённую текущим отношениям Земли и Марса. Открыв программу заседания, канцлер поморщился – первым поставили экономический блок. Следовательно, официалы Сопротивления не преминут воспользоваться случаем, и устроить бучу, посвящённую разбору того, кто, сколько и когда украл у народа, и как потратил – на мальчишков, девочек, андроидов, игры, экстремальный секс-туризм и наркотики... Свара, как всегда, выльется во взаимное обливание водой, соками и пронесёнными под полой церемониальных костюмов физиологическими жидкостями, после чего опять придётся устраивать перерыв на дезактивацию и уборку.

Ле Рой запланировал этот возможный разрыв в заседании для сеанса шифросвязи с агентами, и задумался.

Внизу, на трибуне, оформленной в псевдоримском стиле, с колоннами, портиками и небольшой площадкой для выступлений, уже толпились первые выступающие сенато-

ры. Среди белых с пурпурным подбоем тог и средневековых камзолов мелькнуло яркое кимоно представителя японской диаспоры, вокруг которого сразу само собой организовывалось пустое пространство, и канцлер помимо воли напрягся. «Если это старый козёл Хитоши, то сегодня будет очень грязно... Так-с, мечи при нём... Merde! Надеюсь, сегодня он исполнит только традиционное харакири, или как у них там называется это варварское вспарывание брюха...»

Повинуясь сигналу систем безопасности, к трибуне скользнули два киборга полицейской модификации, разворачивая зонтики эмиттеров силового поля. Один из вырядившихся под патриция сенаторов, оглядываясь на Хитоши и охрану, всё-таки решил начать выступление, и, поминутно подглядывая в маленький голоэкранный, забубнил в конференц-систему:

– Уважаемые господа Сенат, сегодня мы рассмотрим экономические вопросы в свете отношений с Метрополией... Как вам известно, за прошедший период марсианская экономика произвела качественный скачок вперёд, выйдя на обеспечение уровня производства в связи с повышением качества жизни...

Дальше можно было не слушать. Гастон Ле Рой, третий на Марсе, если считать от генерал-губернатора, углубился в отчёты целого полчища своих подчинённых, присланных ему утром. Методично хмыкая в такт налагаемым резолюциям: радостно – при пометке «отказать», грустно – когда

заносил запись «отказать», и недоуменно – отправляя документ на доработку. Радостных хмыканий было больше, и настроение канцлера поминутно улучшалось...

Снаружи кабинета замигали вспышки аварийной сигнализации, оставшейся ещё со времён строительства Сити, когда каждое здание строилось с расчётом на удержание внутренней атмосферы и снабжалось параноидальной системой безопасности, закрывавшей герметичные переборки при малейшем изменении давления. Прозрачные бронестекла потемнели, закрытые лязгнувшими заслонками из корабельной брони. Зашипели аварийные клапаны воздушного снабжения – помещение перешло на замкнутый цикл. Синхронно на экране Ле Роя понеслись вскачь суматошные доклады службы охраны и запустилось замедленное воспроизведение происходившего на трибуне буквально несколько десятков секунд назад.

– Да что же вы творите... – Ле Рой опешил, глядя на кадры, проецируемые подрагивающими лучами голографа. – Хитоши, маразматик ты старый...

Подёргивающиеся от помех генераторов силового поля лучи рисовали картинку, далеко выходящую за рамки сумасшедших парламентских будней. Сенатор Накаями, оправив кимоно и церемонно поклонившись спикеру, восседавшему на возвышении президиума, с криком «Ба-а-а-анзай!», выдернул из ножен два клинка, чьи рукояти переходили в тончайшую нить, блестящую серебряным отсветом пропущен-

ного вдоль неё силового поля. Трёхметровые гибкие нити могли прорезать даже крепчайшие и прочнейшие сплавы, не говоря уж о человеческих плоти и костях. Овладеть мастерством мономолекулярных клинков могли немногие... Но представители японской диаспоры, проживавшие в угрюмом пустынном Новом Киото, всегда славились безбашенностью и оторванностью от реальности, достаточными, чтобы пережить сотни регенераций потерянных конечностей, неизбежных при тренировках и учебных боях.

Хитоши никогда не упоминал об этой грани своего таланта, и в личном деле, многократно просмотренном всеми спецслужбами, тоже не было ни слова о мономечах... Сейчас Ле Рой мог убедиться, что старый японец, яростно вскрывавший себе брюхо каждый месяц при отказе в финансировании развития японской диаспоры, и потом долго регенерировавшийся в клинике, был непревзойдённым мастером. Столпившиеся у трибуны сенаторы валились на камень пола, распавшаяся на куски в полёте. Кровь лила рекой, отрубленные руки и ноги сыпались, словно диковинные плоды, со звучным шмяканием и хлопанием... А невозмутимый старик, смотря куда-то вдаль, лёгкими взмахами отправлял в объятия смерти очередную жертву.

Канцлера стошнило прямо на голограф. Утирая губы кружевной салфеткой, Ле Рой успел увидеть последние кадры – Хитоши, улыбнувшись, отбросил клинки, мгновенно рассыпавшиеся в пыль, и громко прокричал что-то, обращаясь

к спикеру. Левая рука старика была прижата к сердцу, а правая вынырнула из складок одежды. На ладони сенатора Накаями лежала помигивающая малиновым индикатором активированная акустическая граната.

Спустя мгновение, как раз при появлении субтитров, расшифровывающих последние слова японца – «Свободу Марсу!» – граната трижды мигнула алым, и взорвалась. Десятиметровый шар из окрасившегося серо-красными разводами взвеси из размолотых в пыль тел и каменных плит медленно оседал вниз, расплываясь по краям...

– Восстановлению не подлежат... – механически произнёс канцелер, глупо икая.

Пальцами он судорожно жал на сенсор аварийной эвакуации, продолжая икать и ощущая, что сейчас потеряет сознание.

«Хитоши Накаями, сенатор от Киото, во время утреннего заседания Сената, изменил своей привычке устраивать ежемесячное сеппукку, и изрубил в куски пятерых сенаторов. После чего бывший парламентарий привел в действие акустическую гранату. Свидетели утверждают, что сенатор использовал запрещенные правительством мономолекулярные мечи, и выкрикивал лозунги в поддержку сепаратистов, известных как „Сопrotивление Марса“. Официальное крыло этой партии, представленное в Парламенте, ответственность за теракт не приняло. Тела погибших восстановлению не подлежат. Ведётся

расследование».

Из выпуска «Новостей Марс-Сити», 45-й канал
сетевого вещания. 15 августа 2278 года

7.3. Марс. Либерти Линденхост

Орбита Марса

14 августа 2278 года

– Линденхост, отставить преследование неопознанного судна!

– Пилот тринадцать-двадцать пять, немедленно вернитесь на базу, приказ лидера!

– Внимание! Приготовиться к открытию заградительного огня по сектору два точки выхода триста! Всем истребителям покинуть зону поражения...

– Системный флот через триста минут, готовность к переходу подтвержена...

– Немедленно приготовиться к ракетным залпам, повторяю...

Линденхост послушал разрывающийся от судорожных взаимоисключающих приказов тактический канал ещё пару мгновений, лениво зевнул, и совершил военное преступление третьей степени: отключил комм напрочь, переведя его в ожидание. Теперь по этой линии могли приходиться только сообщения Красной линии и лично Верховного Главкомандующего. А их поблизости не наблюдалось. Пилот проверил ускорители, и сжал гашетки двигателей, подавая на них всю мощность разогнанного реактора, до малиновеющих индикаторов на приборной панели и скрипа пласта корпуса.

«Плевал, плюю и буду плевать на ваши приказы, крысы тыловые... Я – Либерт Линденхост, Первый истребитель! И вот сейчас я ме-е-е-едленно догоню эту пташку, которая посмела что-то позабыть в нашем пространстве, и разнесу в клочья её чёртовы двигатели...»

С этими мыслями Первый активировал систему наведения противокорабельных ракет, которые таскал на консолях уже год или около того, терпя насмешки собратьев-пилотов и скабрёзные ухмылки техников: «мол, Пирату длины своего не хватает, вот и возит подстраховку, чтобы засадить при случае поглубже». Засадить действительно хотелось, и поглубже – ракеты были новенькие, всего лишь десятилетние. Тонна с небольшим смертоносного железа и взрывчатки, упакованная в сверкающую обтекателем и маленькими стабилизаторами оболочку с генератором силовой защиты, и способная при толике удачи разнести в клочья рейдер, эс-минец или тяжёлый транспорт. Хотелось бы, конечно, украсить парадный мундир значком сбитого крейсера, но такого удовольствия случиться не могло – пираты в Солнечную систему не совались, а крупных войн не случалось уже несколько столетий. Мелкие «операции» по Периферии в расчёт не брались – масштаб не тот...

Однако, всегда есть место подвигу в этой жизни – террористы иногда устраивали показательные акции устрашения, роняя набитые взрывчаткой корабли на купола поселений и производственные комплексы. Вот эти-то корабли, прихо-

дящие к планете из Пояса Астероидов или из внешних районов Системы, и сбивали доблестные истребители Сил Самообороны...

На счету Либерта было уже два десятка корыт разной степени дряхлости, в том числе – два рудовоза, которые он сбил «по неизбежной в космосе случайности», проще говоря – от скуки. Военный суд его оправдал, потому что Первый честно предложил командам покинуть корабли и дал время отлететь подальше... Да и второй грузовик бахнул как-то слишком сильно, что совсем не походило на задекларированные триста тонн редкоземельных руд. Лейтенант-полковник Ирбис Джахаллан, его командир, тогда ещё цыкнул зубом, и произнёс: «Тебе, Либерти, в пираты пойти, цены б тебе не было...», и кличка «Пират» приклеилась с той поры к истребителю намертво. А вот крылышки лейтенанта-капитана отклеились, и улетели – как с погон, так и из личного дела, обгадив напоследок файл пометкой: «повышать в звании только в случае объявления войны и ведения боевых действиях».

Неизвестный корабль, сифоня воздухом из всех щелей, шёл к планете от зоны перехода, расположенной между орбитами Земли и Марса. Раздолбанное корыто, очертаниями не похожее ни на торговца, ни на военный корабль, явно побывало не в одном бою, и было удивительно, как оно ещё не развалилось на лету – обожжённый корпус, оплавленные консоли, сорванные листы обшивки... Однако, двигатели

судна работали на пять с плюсом, и это стало ясно буквально сразу, когда пара патрульных решили пощупать неожиданного визитёра, упрямо молчавшего в эфир на всех частотах. Кораблик дёрнулся, и понёсся на плазменных столбах разгонников, входя на параболическую орбиту вокруг Марса. Станция слежения «Тройка» буквально взвыла от ужаса – датчики показывали, что реактору нарушителя оставалось жить в таком режиме минут двадцать, после чего ему и всем, оказавшимся поблизости приходил быстрый и злейший карачун, с выпадением радиоактивных осадков на поверхность равнин Моря Эллады...

Поднятые по тревоге истребители, и Либерти в их числе, отправились в погоню за «потенциальными террористами», пока в этот сектор разворачивались тяжёлые орбитальные орудия, вывешенные над Марс-сити.

Пока станция продолжала засорять эфир призывами в стиле «назвать себя, сбросить скорость, приготовиться к досмотру и фиксации повреждений», первое звено истребителей вышло на дистанцию огневого контакта с целью. Остроносые машины, оцетинившиеся стволами, зашли со стороны кормы неопознанного корабля, намереваясь расстрелять его двигатели. Командир звена запросил подтверждение на «превентивный удар возмездия», как полушутливо значился маневр расстрела опасного нарушителя в уставных протоколах. Либерти, плетущийся со вторым крылом на курсе перехвата между Марсом и неведомой старой ка-

лошей, сочувственно выдохнул, расслабив пальцы, сжатые на штурвале. Ирбис, хоть и зануда, стрелять умел отлично. Только удача позволяла Линденхосту завоевать в своё время и годами удерживать почётный титул Первого Истребителя...

Спустя несколько секунд от командирского звена остались только три россыпи блестящих обломков и облака расплывающегося в космосе раскалённого газа. Словно что-то, невидимый ни радарам, ни средствам наблюдения, нанёс удар по истребителям. Силовые поля даже не включились – вспышки, короткие вскрики в канале связи, и всё...

– Вот же сволочи... – Либерти не верил своим глазам. – Ирбис, долдон ты, ответь!

– Не засорять канал! «Искандер», порт приписки Эклетика, – вякнул кто-то в эфире. – Что за уроды только что попали под гравимагнитную волну наших движков? Вы тут с ума посходили, что ли?

– Приняты коды доступа, уровень «Красный»...

– Внимание всем истребителям, возвращение к станции, сбор в точке двести три. Преследование цели прекратить.

– Вектор цели безопасен, разгонный курс семьсот, отставить преследование!

Ведомая двойка его звена, покачав крыльями, отвалила к точке сбора эскадрильи, но Линденхост не смог заставить себя изменить курс. Что-то было в этом корабле такое, что заставляло его наплевать на устав, положить на субордина-

цию и продолжить преследование чужака...

Либерти начал подготовку к нештатному ускорению.

Глава 8.

Два по цене одного

*Кто же есть я, о Господи, в такой мгле?
Что постигну, мечась в утомительной смуте?
Для чего я куда-то иду по земле,
Оставаясь недвижимым в собственной сути?*
Константин Никольский – Иллюзии
15 августа 2278 года

Он открыл глаза под негромкое бормотание визора на стене прямо перед ним. Яркость, как и звук, были приглушены, от чего холёное лицо молодого журналиста из «Марс-Сити-News» выглядело сумрачно тёмным и печальным.

Парень в дорогом костюме указывал рукой куда-то позади себя, судорожно бормоча в камеру срывающимся голосом, от всей души стараясь показать мимикой все тяготы и скорбь случившегося.

Решка не понял, что заставило его подскочить на удобной мягкой кровати в третьем номере борделя «Пыльные Маки Эллады», но нечто задвинутое на самые глубокие слои подсознания буквально возопило о жажде подробностей.

– Визор, звук, изображение! – выкрикнул он как раз в тот момент, когда оператор дал крупным планом дымящиеся развалины каких-то строений. – Святый грех мой, вином за-

литый... – только и смог выдавить агент Решка, не веря своим глазам.

Картина разрушений главного входа в Лабиринты Марса, где ещё несколько часов назад он, точнее, его нынешний носитель заканчивали смену под толщей земляных пластов, ощерилась останками наземных конструкций. Из громадных провалов в земле валил чёрный дым, кое-где куски вековых плит Лабиринта выворотило с мясом, разметав по окрестностям, и повсюду были видны останки.

Металлические части киборгов-землероек, тело одного из которых недавно занимал и сам агент, части тел работников ремонтной бригады, служащие, гражданские, патрульные, семьи вахтовых работников...

Земля потрескалась и дымилась, но бурые пятна подсохшей крови размытыми кляксами багровели на почве, будто открытые раны на теле разумного существа.

– Ответственность за полное уничтожение всех находившихся на своих постах работников Лабиринтов и Цитадели пока не взяли на себя никакие террористические или правительственные организации, – ворвался в сознание Решки голос холёного журналиста. – Протекторат молчит, ссылаясь на нештатную ситуацию в собственных военных подразделениях, и отговариваясь отсылками к пресс-службе Протектората, которая должна прокомментировать настоящую зачистку в скором времени. Данные уточняются, следите за нашими выпусками...

– Убрать звук, – тихо попросил агент, чувствуя, как собственный голос царапает пересохшее горло. Визор оставил только яркое изображение последних кадров учинённой расправы.

– Что же там произошло, святые небеса... – обхватив голову руками, выдохнул Решка. – Как же так? Визор, обзор новостей за последние десять часов, – скомандовал он, усилием воли приводя себя в порядок и выстраивая мысли стройными рядами. – Звук дай, – спохватившись, добавил он.

Экран на стене расцвёл множеством галактических новостей, начиная от уборки громадного в этом году урожая яблок, заканчивая новыми налогами от Протектората и его же ультиматумами в адрес партии «Сопrotивление Марса».

– Криминальная хроника, – скомандовал Решка.

Через полчаса агент знал множество совершенно ненужной информации, среди которой сумел обнаружить кое-что привлекшее его внимание. Так, отмалчивающийся по поводу инцидента в Цитадели Протекторат сухо комментировал нападение на боевое звено истребителей, преследовавших нарушителя в ведомом секторе космического пространства красной планеты. Истребители, вышедшие на плановое патрулирование вверенного сектора, были уничтожены без предупреждения неизвестным кораблём противника, который так и не удалось опознать впоследствии. Пресс-служба Протектората особо выделяет свою непричастность к данному

происшествию, всячески заверяя власти Марса в том, что и они подверглись подобному нападению, которое унесло жизни работников аграрно-исследовательской базы на Луне...

Скупые комментарии Марс-Сити особо выделяли героизм и стойкость пилотов, не побоявшихся ввязаться в неравный бой с силами противника, многократно превосходящими вооружением мирные патрули красной планеты...

Партия «Сопrotивления Марса» особо выделяла героизм звеньёвого и блестящего солдата Либерта Линденхоста, пропавшего без вести после отказа сложить оружие и быть расстрелянным вражеским кораблём...

Решка закусил нижнюю губу. Почему именно этот Либерт, которого так и тянуло назвать Либерти, так сильно и чувствительно царапнул его интуицию? Они знакомы? Встречались? Это и есть Орёл? Ворчливый искин обещал внести ясность, но вместо данных вкатил агенту порцию снотворного, якобы, для его же восстановления. После чего Решка и вырубился на пару часов в роскошном номере отеля-борделя, успев только поесть и принять душ, который был не обычным ультразвуковым, а самым настоящим и прекрасным горячим душем на памяти агента.

– Нет, бред какой-то, – подумал агент, потирая пульсирующие от напряжения виски. – Тогда бы и мне пришёл конец.

Тут он снова задумался о том, где находится и как сюда попал. Память скрипнула, проворачивая шестерёнки вос-

поминаний, но Решка-Макс предпочёл пока не думать над этим, поглядывая на визор, где уже начался последний блок запрошенной криминальной хроники.

Скупые строчки об отдалённой колонии и мирной планете учёных заставили Решку призадуматься ещё крепче. Эклектика была ему смутно знакома. Вроде как, если он ничего не путал, и данные из покалеченного мозга Двадцать Шестого не лгали, именно там и производилась пересадка мозга заключённых в тела киборгов-насекомых, напоминавших после прохождения процедуры послушных и дрессированных металлических тараканов, чей почти двухметровый рост и прочность конструкции как нельзя кстати подходили для работы в лабиринтах тоннелей Цитадели.

Потерять не жалко, а пройдут, так и хорошо.

Из новостной ленты, поступившей в общую сеть около восьми часов назад, следовало, что вероломному нападению карательных отрядов Протектората подверглись исключительно мирные постройки, вроде здания планетарного суда, сельскохозяйственные плантации, исследовательский институт нанотехнологий и служба исполнения наказаний в полном составе.

На запрос о показе снимков с места происшествия Решка получил трёхмерное изображение громадной зияющей воронки на месте здания суда, разбросанные тут и там осколки какого-то прозрачного пластика или льда, скромные лужицы крови в короткой траве посадочного поля, и свидетельские

показания единственного уцелевшего охранника, найденного в подсобном помещении в паре километров от воронки.

Свидетель утверждал, что никого и ничего не видел, но ему показалось, что чёрная чешуйчатая броня напавших не имела знаков отличия, а среди рядовых штурмовиков он, вроде бы, заметил огромного красно-рыжего кота.

Решка скомандовал отбой, отменяя все новости. Голова начинала гудеть от полученной информации, осознания потери после разгрома Цитадели и полной дезориентации. Встретивший его первое пробуждение искин молчал, не стараясь помочь с детализацией и прояснением ситуации, а сам агент отказывался понимать что-либо.

Решке казалось, что по его следу идёт настоящий Дьявол, хлопая чёрными крыльями, с которых стекали алые струи чужой крови. Но Эклектика и какое-то там звено патрульных истребителей никак не вписывалось в картину панических мыслей агента, будто он дал толчок массовой резне в Лабиринтах планеты.

«У всего этого должно быть что-то общее, что-то общее... – напряжённо раздумывал он, раскачиваясь из стороны в сторону на мягкой кровати. – И должно быть что-то, что объяснит мне, почему меня зацепили именно эти новости. Я должен восстановить память, должен исправить пробелы, мне нужно понять».

Экран визора засветился рекламой:

«Похоронное агентство „Прометей“, самое старое и на-

дёжное агентство в Солнечной Системе! Вы ещё думаете, а мы уже хороним! Работаем с огоньком, качественно, быстро и недорого – два по цене одного, постоянным клиентам – таки да, скидки. Проводятся ежемесячные акции!»

Решка почти минуту пялился в прилипшую к экрану визора яркую и задорную надпись, а потом нервно засмеялся, откинувшись на мягкую кровать, и раскинув в стороны руки.

«Ну, а что? Я и Макс, два в одном. Интересно, можно добиться скидки на похороны, если меня всё же грохнут?»

Глава 9. «Ромашка»

*Дай руку мне
Здесь лишних нет.
Ветру ты кажешься не больше песчинки,
Ветер легко собьёт с дороги,
Если в скитаньях ты одинок.*

*Ария – Дай руку мне
14 августа 2278 года*

Первое, что он увидел, открыв глаза, был прямой тяжёлый взгляд темноволосой женщины в испачканной и порванной рубашке с какими-то неопознанными знаками на воротнике. Женщина смотрела, не отводя взгляда больших тёмных глаз, и взгляд этот, как показалось Романову, проникал в самую душу, срывая с неё покровы и маски.

«Она знает, – мелькнула у него в голове шальная мысль, – она всё знает».

Женщина неувлимо напоминала Марку кого-то знакомого, но короткая стрижка и выпачканное в копоту лицо мешали ему точно вспомнить, чей именно образ смутно проявлялся в хранилище памяти бывшего полковника. Безупречную память Романова калечили ещё и мелькающие картин-ки кораблей на гусеничном ходу, капитана Реверса и, почему-то, Ричарда Моргана, образ которого заставлял Марка кривить в горькой усмешке тонкие губы.

– Ты кто такой? – спокойно спросила женщина ворочающегося на холодном полу Марка. Голос у брюнетки был низкий, хрипловатый, будто женщина много курила или часто кричала.

«А почему бы и нет? – подумал Марк. – Эта особа с равной долей вероятности могла как командовать подразделением чистильщиков, так и звать на обед многочисленных детей и мужа».

Последняя мысль неожиданно больно царапнула душу бывшего полковника. Он вспомнил о том, как когда-то давно, в прошлой жизни, стоял в своём личном кабинете под самой крышей высоченного небоскрёба и размышлял о несложившейся судьбе и спокойной жизни достойного продолжателя древнего рода Романовых.

«Кажется, это был последний день перед тем, как я столкнулся со Строителем лицом к лицу», – меланхолично подумал Марк.

– Марк Александрович Романов, мэм, – едва ворочая пересохшим языком, официально представился бывший полковник. – Честь не отдам, у меня её нет, – добавил он хмуро.

Брюнетка зло хмыкнула, пожав плечами, и сказала:

– Я не спрашивала, как тебя зовут. Ты кто, нах***, такой будешь и что делал в программе реабилитации заключённого?

Романов уставился на женщину непонимающим взглядом.

– Да он не знает, как туда попал, Ханна, – произнёс усталый мужской голос, и за плечом женщины возникла долговязая фигура в свободном комбинезоне, походившей больше на робу чернорабочего. Ханна ещё раз смерила Романова тяжёлым взглядом, потом с усилием кивнула, соглашаясь со скуластым мужчиной, стоящим за её плечом, и протянула лежащему правую руку, чтобы помочь подняться на ноги.

– Меня зовут Ханна Шойц, ещё пару часов назад я исполняла обязанности судьи на планете Эклектика, и до срока окончания моей работы на МАСК оставалось чуть больше года. Теперь я сижу в вонючем трюме пиратского корабля, который везёт меня, тебя и вот этого гуманиста, – она кивнула на мужчину позади, – хрен знает, куда, и хрен знает, зачем.

– Почему гуманиста? – пряча улыбку за сосредоточенностью, спросил Марк, хватаясь за руку Ханны.

– Он настоял на том, чтобы не выбрасывать тебя за борт, – пожалала плечами Ханна. – После того, как меня попросили вытащить для проверки тебя и его из программы реабилитации, – добавила она, помогая Романову встать ровно. Руки у Ханны оказались неожиданно сильными, тёплыми и красивыми.

Внутри Романова что-то глухо стукнуло, на мгновение замерло и разлилось по телу жаркой волной.

«Бред какой-то, – сердито мотнул он головой, – полковник я или где, чтобы от женских пальцев с ума сходить».

– Маттершанц, – представился незнакомый мужчина, отвесив лёгкий старомодный поклон. Его лицо было словно выточено из камня или спрессованной пластбумаги. Угловатое, местами излишне грубое, но с большими живыми глазами, стирающими впечатление неприязни или отторжения. Кожа у Маттершанца имела странный оливковый загар, словно мужчина либо долго находился под светом звезды определённого спектра, либо имел в роду азиатские гены.

И Марк помнил этого человека, как и то, откуда у него загар. Пляж с пирамидальными песчинками, вынесенный приговор, лицо доктора Маттершанца и прощальное рукопожатие прохладной руки небожителя человеческого сектора космоса...

– Оденься, Марк Александрович Романов, – с холодной усмешкой сказала Ханна, кивая на лежащую в углу скомканную робу того же цвета, что и у Маттершанца.

Только теперь бывший полковник заметил, что стоит, выходясь над женщиной почти на целую голову, совершенно обнажённым. И в этот момент Романову стало стыдно. Да так сильно и неудержимо, что он, к своему ужасу, почувствовал, как краснеет.

Марк Александрович даже не помнил, когда в последний раз ему было именно стыдно. А уж красные пылающие щёки он видел у себя только в далёком детстве, когда в очередной раз получал выволочку от прадеда за спешку и плохо собранное снаряжение для длительного похода.

«Ети меня в душу гжелевским мишкой, – мысленно выругался Марк, с каменным выражением лица натягивая на себя предложенные тряпки. – Дальше что, полковник? От смущения так разволнуешься, что по малой нужде будешь выходить в открытый космос?»

Насущная, в прямом смысле, проблема тут же одарила бывшего полковника тяжёлым ощущением переполненного мочевого пузыря.

Словно угадав его мысли, Маттершанц кашлянул и кивком головы указал на дверь у дальней стены.

Марк покраснел ещё больше, но продолжил сжимать зубы и отрешённо посматривать в сторону. А вот темноволосая женщина смотрела на Романова пристально, изучающе и с долей веселья в прищуренных тёмных глазах.

Романов оделся и открыто взглянул в лицо Ханны. Та не отвела прямого взгляда, продолжая рассматривать бывшего полковника, а вот Марк прикладывал все силы, чтобы не опустить взгляд в решётчатый пол.

– Извините, кажется, я вам мешаю, – вежливо произнёс Маттершанц, отступая подальше во мрак трюма.

– Нет, – синхронно повернув к нему головы, в один голос ответили Марк и Ханна. – С чего ты взял? – спросила бывшая судья.

– Ну... – мужчина замялся, беспомощно глядя в сторону. – Между вами произошла первичная химическая реакция, которая неизбежно повлечёт за собой продолжение,

с большой долей вероятности способное оформиться в ласки и дальнейший процесс...

– Кхм, – кашлянул Марк, отступая от Ханны подальше. – Ты болен? – с несвойственным ему участием спросил он у Маттершанца, бросая на него обеспокоенные взгляды. Оказаться в одном трюме с умалишённым Романову совсем не хотелось. Да ещё и с умалишенным представителем древней расы искателей. Романов никак не мог понять, узнал ли его доктор Маттершанц, но сам он совершенно точно узнавал давнего знакомого.

– М-да, – только и сказала Ханна. – Матти, не надо так прямо отвечать на вопросы, это, как бы тебе сказать, смущает людей.

– Прости, Ханна, – скис Маттершанц, комкая длинными пальцами ткань своей робы. – Я вовсе не хотел никого обидеть. Но мне показалось, что вы могли бы...

– Понимаешь, в чём дело, – старательно подбирая слова, начал Романов, – если я или Ханна чего-то захотим, мы сами способны удовлетворить свои желания.

«И уж точно без советчиков», – мысленно добавил он.

– Но вы же такие маленькие, – с ноткой боли сказал Маттершанц. Романов посмотрел на Ханну, которая от слов своего спутника выглядела такой же ошарашенной, как и бывший полковник. Марк хотел уже было растолковать этому раскосому идиоту, что уж кто-кто, а он не просто не маленький, но и весьма себе опытный и бывалый мужчина и даже

в прошлом полковник, но Маттершанц продолжил:

– Даже ты, Марк, до сих пор ещё нуждаешься в друзьях и осознании себя самого.

Романов подавился тем, что хотел сказать, запихнув по-дальше мелькнувшую мысль о сортире, а Ханна непонимающе уставилась на Марка.

– Внимание! – раздался мрачный голос корабельного искина из встроенных в потолок динамиков. – Грузу рекомендуется свернуться в компактные комочки, которые выгодно оттенят дальнейший полёт в безвоздушном пространстве рядом с обломками корабля. Судно закодировано, заминировано и атаковано.

Марк бросил взгляд сначала на Ханну, сосредоточенно всматривающуюся в лицо своего спутника по имени Маттершанц, а потом придирчиво оглядел трюм, в котором они все были заперты. Корабль трянуло, по корпусу подряд прошло несколько чувствительных волн от дестабилизации силового поля, старательно поглощавшего заряды, достигшие корабля, и где-то совсем рядом послышалось душераздирающее мяуканье. У Марка сложилось чёткое впечатление, что мимо грузового отсека пронёсся огромный котик, мявкующий на бегу в поисках укрытия. Следом за мяуканьем раздались тяжёлые шаги и приглушённая брань кого-то из экипажа, а в следующую минуту дверь в дальней стене открылась, и брань стала очень разборчивой.

– Да обвалились ты и провалились, и в хвост, и в гриву, хорей мне в печень! Кетчуп, мать твою бутербродную, ты куда опять делся? Нас немного убивают, и все мы слегка заняты, чтобы за тобой бегать.

В следующее мгновение Марк едва не упал от сильного толчка, и тут же подхватил орущего кота с ярко-красной шерстью, бешено вращающего янтарными глазами, и вцепившегося в одежду бывшего полковника.

– Иди сюда, негодяй! – тоном оскорблённой жены взвизгнул невысокий светловолосый мужчина с кучей тонких косичек на голове, подскочив к Марку, и пытаясь отодрать от него кота. – Кетчуп, ешь тебя в хвост...

Романов, как мог, пытался помочь незнакомцу оторвать от себя намертво вцепившееся животное, но кот лишь громче орал и пытался зарыться мордой в его подмышку.

Корабль тяжело вздохнул, скрипя всеми шпангоутами и переборками отделений, заскрежетал и по-стариковски закрихтел, словно самое обыкновенное морское судно где-нибудь в нейтральных водах Сибирского моря. В коридорах звывили, правда, тут же утихнув, сирены, под потолком замигали красные и оранжевые лампочки, а светловолосый человек, только что пытавшийся отобрать у Романова своего кота, грустно взглянул в лицо бывшему полковнику.

– Силовое поле сдохло, – печально сказал он, и пулей выскользнул из трюма, оставив дверь открытой. Кетчуп зарылся под одежду Романова, уютно устроившись под ней, слов-

но в гамаке, вырисовываясь на животе Марка бесформенным комом. Троица пленников переглянулась и одновременно посмотрела в сторону открытого дверного проёма, за которым всё ещё где-то далеко в звуковой панике заходила система безопасности...

– Что это? – флегматично спросил Док, рассматривая трёхмерное изображение голографического субъекта в рубке.

– Кто это? – эхом повторил его слова Шут, всматриваясь в картинку на мониторе перед собой.

– Как это? – недоумённо спросила Рысь, переводя взгляд с голограммы на картинку перед Шутом.

– Мя-я-яу? – раздалось из-под одежды Марка, стоящего рядом с Ханной и Маттершанцем в той же рубке. Романов и его спутники добрались сюда как раз в тот момент, когда все системы разом вырубались, и полковник мысленно попрощался с жизнью, готовясь цельным куском выплыть в какую-нибудь дыру в корпусе корабля. Благо, таких дыр должно было быть немало после серии попадания ракет, удары которых Романов бы не спутал ни с чем другим. Опыт военной службы подсказывал ему, что если силовое поле приказало долго жить, а прямое попадание по главным орудиям уже превратило их в застывшие в вакууме металлические слёзы, то и пассажирам вкупе с командой осталось время только помолиться.

«В прошлый раз это спасло Кардинала Логана, – вяло подумал он, роясь в обрывках своей и чужой памяти, которую обрёл вместе с трансформацией из обычного человека в далёком прошлом. – Значит, система рабочая».

Но молиться не пришлось. Исчезнувший было светловолосый мужчина, преследовавший кота по коридорам корабля, вернулся обратно, неприличными жестами объяснил всем присутствующим в трюме, что их пригласили в рубку управления по срочному делу, и тут же исчез, напоследок успев представиться Шутом.

Теперь, стоя в уголке и вместе с временным капитаном разглядывая происходящее на экранах, Романов грешным делом начинал склоняться к тому, что молитва была бы единственным спасением при любом раскладе.

Прямо посреди рубки возвышалось нечёткое изображение какого-то существа, полностью скрытого бесформенным плащом с капюшоном, монотонно повторяющим только одно:

– Судно «Александрейская Рулетка», проверьте приводы стыковочного узла со своей стороны! Зарегистрированы повреждения от взрыва ракет и столкновения...

И на фоне этого бубнящего голоса из-под свисающего до подбородка капюшона землистого цвета тарацились в боковой монитор Шут и его спутница по имени Рысь. На мониторе, развернувшись полноценной картинкой, зияла огромная дыра в корме корабля, из которой торчал смятый нос во-

енного истребителя.

– Нас поймали в зад, – высказался Молчун, бронированной статуей возвышаясь рядом с креслом Дока, временно исполняющего обязанности капитана.

– С ракетным вазелином, – в тон ему ответил Шут, быстро сверяясь с данными. – Засадил-таки, вояка, в задницу свои ракеты. Прямо не сражение, а изнасилование какое-то получилось.

– Мне было так мало лет... – раздался печальный и горький голос искина. – И так грубо меня обесчестить в самом расцвете... вот капитан Реверс никогда бы не допустил такого воистину богохульного надругательства надо мной, – трагичным тоном закончила корабельная система, умолкая.

Док бросил мрачный взгляд на фигуру посреди рубки, потом посмотрел через плечо на торчащий нос истребителя и указал куда-то вниз экрана:

– Пилот-то ещё жив...

Все прильнули к монитору, жадно вглядываясь в изображение. Въехавший почти до половины корпуса истребитель плотно заткнул собой отверстие, до этого момента неплохо расковырянное несколькими ракетами с того же корабля, что сейчас занозой в корме торчал из корпуса «Рулетки», прижатой кольцами гравизахватов к массивному корпусу «Искандера», подобравшего их в пространстве Эклетики.

Пилот в лёгкой броне пытался ползти вопреки всему, цепляясь за жизнь с момента столкновения. Едва выпав из рас-

куроченной в хлам кабины истребителя, он тут же попытался встать на ноги, но упал, однако попыток добраться до шлюза не бросил. Воздух со свистом исчезал в крошечных щелях, столбцы показаний жизнедеятельности пилота быстро скачивались к красным отметкам, а шлюз на глазах терял атмосферу и гравитацию, наполняясь совершенным в своей первобытности холодом.

Кетчуп под одеждой Романова тихо зашипел и выскользнул наружу, прыгнув на колени Шута и потершись о его бок мохнатой мордой. Романов оценивающе осмотрел всех присутствующих, напоровшись на прямой и открытый взгляд Маттершанца. Тёмный глаза странного спутника Ханны смотрели немного печально и выжидающе, словно таили в себе невысказанную просьбу.

«Ты ж полковник, – со вздохом подумал Марк, – пора бы вспомнить об этом».

Воспользовавшись тем, что все смотрят только на монитор, наблюдая, как пилот вражеского корабля пытается не умереть, Марк выскользнул из рубки...

– Что он делает? – непонимающе спросил Док у Шута. Тот лишь пожал плечами, пробегая пальцами по кнопкам пульта.

– Он спасает жизнь, – серьёзно сказал Маттершанц, ни к кому не обращаясь. Присутствующие вопросительно уставились на чужака, захваченного из здания суда только потому, что он зачем-то понадобился Ханне. Док припомнил, как

яростно Рысь пыталась отстоять своё решение бросить их обоих в развалинах здания суда, но поддалась логике исполняющего обязанности капитана и согласилась взять на борт судью, умеющую обращаться с оборудованием и программами для разморозки, а заодно и её странного друга, на котором Ханна обязалась продемонстрировать свои навыки и умения.

В итоге Матти, как и Романов, были успешно приведены в сознание, а до капитана Реверса дело дойти не успело в виду неожиданного преследования на пути отхода, возникшей на две минуты раньше точки перехода, и «радушной» встрече сил самообороны у Марса, часть которых сейчас торчала из корпуса «Александрийской Рулетки».

– Просто цирк с конями, – высказался Док. – Только тигров не хватает...

– Мяу? – недовольно спросил Кетчуп.

– Охренеть, – коротко высказала общую мысль Рысь.

– Да не то слово, – в тон ей поддакнул Шут.

– Нет, это как раз то слово... – внёс свою лепту Док. Некоторое время все молчали, наблюдая за тем, как Марк стремительно пронесется по коридорам корабля к корме, вскрывает шлюзовую переборку и бросается на помощь пилоту истребителя.

– Как он двери-то вскрыл? – скорее, для порядка, чем реально желая получить ответ, поинтересовался Док.

– При включении аварийного режима все перегородки,

исключая рубку и капитанский мостик, сбрасывают коды блокировки, – так же безэмоционально ответил Шут. – У капитана всегда был странный пунктик по этому поводу.

– Тигры, рыси и клоуны у нас уже есть, – обронил Док, имея в виду свою помощницу, Кетчупа и Шута, – убогий карлик и зрители тоже присутствуют, – продолжил он, посмотрев на гостей и голограмму в центре, – теперь воздушная гимнастика и акробаты с укротителями будут, – закончил он, поглядывая на изображение Романова и незнакомого пилота.

– *Matricaria recutita*, – возмущённо возопила голограмма. От неожиданности каждый из присутствующих подпрыгнул внутри своего тела.

– Ромашка обыкновенная? – недоверчиво переспросил Док, дёргая глазом и нервно хихикнув. – И что это значит?

– Это значит, что вы могли бы быть и повежливей с представителем отдельного исследовательского корпуса временных и пространственных аномалий под патронажем МАСК, – сухо отбарабанила фигура в плаще с капюшоном. – Нам вообще только один из ваших пассажиров и нужен. Вон тот, – фигура вытянула руку и повернула голову под капюшоном в сторону Маттершанца. – А вы случайно попались. Если бы мы вас в переход не перетащили раньше, до сих пор бы зубы на Эклектике искали, неблагодарные.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.